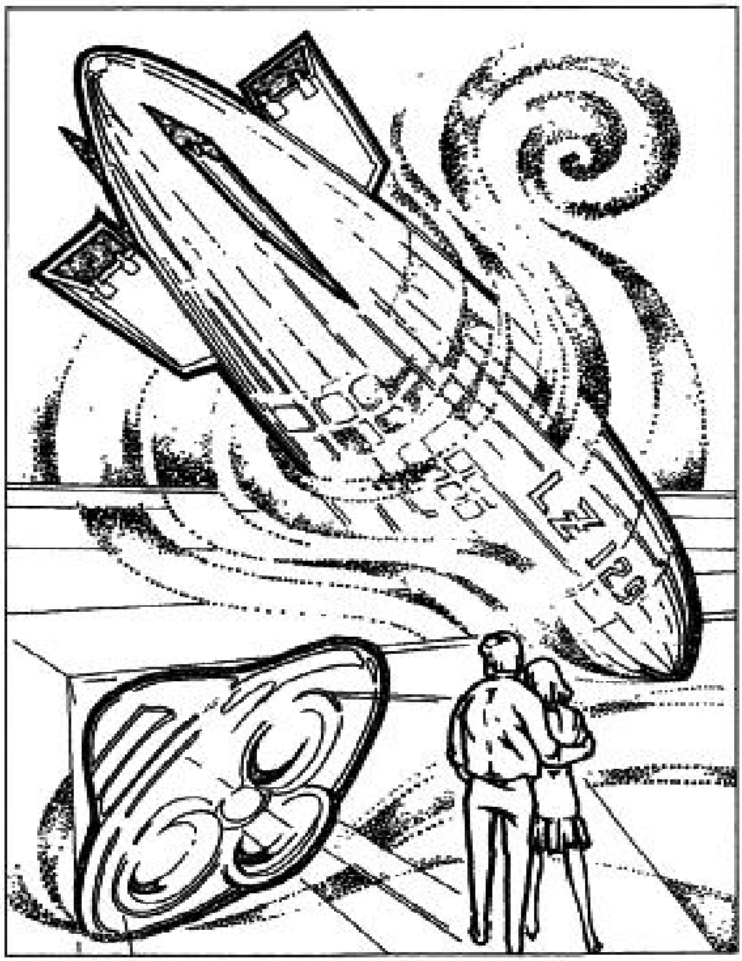
Asimov's
SCIENCE FICTION
OCTOBER/NOVEMBER 1997

АЛАН СТИА

КУДА МУДРЕЦ



БОИТСЯ И СТУПИТЬ...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Исследование подробностей загадочной гибели «Титаника» давно отдано на откуп кинематографистам. Судьба дирижабля «Гинденбург» заинтересовала американского фантаста.

«Hugo Award», 1998 — «Лучшая повесть» («Best Novella»).
«Locus Award», 1998 — «Лучшая повесть» («Best Novella»).

- Аллен Стил
  - 15 января 1998 года
  - 6 мая 1937 года
  - 6 мая 1937 года
  - 6 мая 1937 года
  - 16 января 1998 года
  - 6 мая 1937 года
  - 16 января 1998 года
  - Время неизвестно
  - 11 часов 57 минут
  - Время неизвестно
  - 15 часов 00 минут
  - Время неизвестно
  - 18 часов 11 минут
  - 16 января 1998 года
  - 19 часов 02 минуты
  - 16 января 1998 года

Аллен Стил
Куда мудрец боится и ступить…

15 января 1998 года
Четверг, 23:15

Когда улеглась шумиха, связанная с происшествием на озере Сентерхилл; когда были подшиты и сданы в архив отчеты компетентных служб и специально созданные подкомитеты провели свои закрытые слушания; когда наконец высокие персоны, допущенные к государственным секретам, убедились, что проблема, хоть и не решена до конца, но, по крайней мере, перестала быть животрепещущей и острой — только тогда, оглядываясь на то, как разворачивались события, Зак Мерфи начал постигать, что на самом деле все началось днем раньше, в пивном баре «Снегирь» на Пенсильвания-авеню.

«Снегирь» был одной из самых почтенных забегаловок, расположенных на Капитолийском холме. Он находился примерно в трех кварталах от здания Конгресса и совсем близко от одного из самых сложных в криминальном отношении районов Вашингтона. Днем здесь любили обедать сотрудники Конгресса и журналисты, приходившие сюда на перерыв, когда в коридорах власти происходила какая-нибудь сенсация; в вечерние же часы «Снегирь» наполнялся федеральными служащими из доброй дюжины министерств и ведомств. Взмыленные, во влажных от пота рубашках, с животами, распухшими от высококалорийной, но малосъедобной пищи, которую можно извлечь из любого торгового автомата, они являлись сюда после напряженного двенадцатичасового рабочего дня, чтобы пропустить с друзьями по паре кружек пива, а потом нетвердой рысью мчались к ближайшей станции метро Капитол-Саут и садились на поезда, идущие в вашингтонский пригород — в Мэриленд или Виргинию.

Так повелось, что вечер четверга был «пивным днем» сотрудников Управления паранормальных исследований. Мерфи бывал на этих дружеских вечеринках нечасто, предпочитая проводить время с женой и сыном в своем доме в Арлингтоне, однако в последнее время дома ему было тяжко. Донна никак не могла прийти в себя после смерти матери, скончавшейся перед Рождеством, а Стива, похоже, гораздо больше интересовали магические карты, чем родной отец. Вот почему, когда Гарри Камиски, заглянув в его комнату в начале девятого, спросил, не хочет ли он выпить с ребятами пивка, Мерфи неожиданно решил пойти. В конце концов, подумал Мерфи, он уже давно не устраивал себе выходной, и не будет ничего страшного, если сегодня он явится домой на часок позже. Пусть даже при этом от

него будет пахнуть «Будвайзером» — Донна все равно молча свернется калачиком на своей половине кровати, а Стиву на все наплевать, если только отец не откажется от своего обещания взять сына в субботу в магазин комиксов.

Выключив компьютер, Мерфи запер свой кабинет и присоединился к Гарри и Кенту Моррису, которые уже ждали его в вестибюле. На улице было слякотно и сыро, и пешая прогулка до «Снегиря», находившегося всего в пяти кварталах, не доставила Мерфи удовольствия.

В «Снегирь» они пришли самыми последними — завсегдатаи давно сидели на месте. В задней комнате пивной уже были составлены вместе несколько столов, и официантка сбилась с ног, обнося собравшихся кувшинами с пивом и тарелками с подсоленным поп-корном. Появление Мерфи вызвало у собравшихся умеренное любопытство — все-таки он в «Снегире» редкий гость. Как бы там ни было, для него сразу освободили место, и Мерфи сел. В Управлении он пользовался репутацией «сухаря» и знал это, поэтому он начал с того, что распустил галстук и велел смотревшему на него во все глаза молодому специалисту, недавнему выпускнику Йельского университета, перестать обращаться к нему «сэр» и звать его попросту Зак. Потом Мерфи налил себе первую из двух кружек, которые он себе обещал. Выпить пару пива, немного поболтать с коллегами, и домой — такова была программа, которой он намеревался строго придерживаться.

На деле же, разумеется, все вышло не так, как он планировал. Вечер оказался слишком холодным и сырым, а в «Снегире» было так тепло и сухо! Горящий газ уютно шипел под фарфоровыми поленьями в камине, и отсвет огня дрожал в стеклах множества спортивных фотографий в рамках, развешанных по обшитым деревом стенам. Приятная застольная беседа легко перескакивала с финала «Суперкубка», который должен был состояться на будущей неделе, на текущий кинорепертуар, а то вдруг разговор касался самых последних капитолийских сплетен и слухов. Официантка Синди, обслуживавшая их стол, хоть и носила кольцо, которое свидетельствовало о том, что она с кем-то помолвлена, вовсю наслаждалась знаками внимания, которые сотрудники УПИ наперебой ей оказывали, и это делало атмосферу за столом еще более непринужденной.

Между тем гулянка шла полным ходом, и пиво лилось рекой. После второго похода в туалет Мерфи заскочил в телефонную будку и позвонил домой — предупредить Донну, чтобы она не ждала его. Нет, он вовсе не пьян, просто очень устал — только и всего. Нет, он не будет садиться за руль — машину он оставил в

гараже, а сам возьмет такси. Да, дорогая. Нет, дорогая. И я тоже тебя люблю. Спокойной ночи и приятных сновидений. После этого содержательного разговора Мерфи снова вернулся к столу, где Орсон как раз потчевал Синди бородатым анекдотом про техасского сенатора, проститутку и кастрированного бычка.

Мерфи даже не заметил, как пролетело время, и спохватился только тогда, когда было уже достаточно поздно и комната наполовину опустела. Один за другим сотрудники УПИ допивали «посошок», выбирались из-за стола и, надев свои куртки и теплые плащи, нетвердым шагом выходили в ненастную мглу. В конце концов, из полутора десятков человек за столом осталось только трое — Кент, Гарри и сам Мерфи, уже подошедшие к той опасной грани, за которой приятная эйфория переходит в тяжелый пьяный угар.

Синди тоже заметно поскучнела; от ее веселости и оживления не осталось и следа, и теперь ее лицо не выражало ничего, кроме раздражения. Собрав со стола пустые кружки, она принесла им еще кувшин пива, строго предупредив, что больше они не получат. Не нужно ли вызвать такси, спросила она, и Мерфи с грехом пополам удалось объяснить Синди, что, да, мэм, такси — это было бы неплохо, даже очень здорово, спасибо большое… Потом он вернулся к прерванному разговору, который, по случайному стечению обстоятельств, коснулся путешествий во времени.

Впрочем, ничего странного в этом не было. Несмотря на то, что о возможности путешествий во времени говорилось, главным образом, в самых путаных трудах по теоретической физике, сотрудники Управления паранормальных исследований живо интересовались этим вопросом. В этом заключалась их работа. Таким образом, не было ничего необычного в том, что Мерфи обсуждал со своими коллегами именно путешествия во времени — поздний час и огромное количество выпитого пива располагали к разговору именно на эту волнующую тему.

— Представьте себе… — Гарри громко рыгнул в кулак. — Пршу прщения… Так вот, представьте себе на минуточку, что путешествие во времени возможно. Значит, человек может вернуться в прошлое…

— Эт-то нельзя, — вставил Кент.

— Я знаю! — Гарри погрозил ему пальцем. — Я знаю, что это невозможно. Но давайте просто вообразим…

— Говорю тебе, это неосуществимо. Нереально, невозможно… Понимаешь? Я ведь тоже читал все эти книги, и я тебе точно говорю — путешествие во времени невозможно! Ни один человек не может… Ни одна страна еще не владеет соответствующей

технологией.

— Да я не о том толкую, черт! Не о сегодняшнем дне. Я говорю о *будущем.* Когда-нибудь, скажем, через тысячу лет, кто-нибудь сможет… Вот о чем я тебе талдычу!

— А-а… Ты имеешь в виду наших отдаленных потомков, которые могут явиться с визитом в собственное прошлое? Ты это имеешь в виду? — В детстве Мерфи увлекался научной фантастикой, в которой часто говорилось о путешествиях во времени. На чердаке в его доме до сих пор хранилось несколько зачитанных до дыр книг Финнея и Андерсона, в чем он ни за что бы не признался приятелям. Научная фантастика — за исключением телесериала «Секретные материалы» — была в Управлении не в почете.

— Вот-вот! — Гарри яростно закивал. — Вот о чем я говорю. О том, что кто-то может прилететь к нам из будущего.

— Все равно это невозможно, — возразил Кент. — Даже за сто миллионов лет!

— Может, и невозможно, — вставил Мерфи. — Но давай просто представим себе это на минутку. Сделаем такое допущение хотя бы для поддержания разговора. О'кей, Гарри, допустим, кто-то из будущего…

— Не кто-то. — Гарри потянулся к полупустому кувшину и плеснул пива в свою кружку. — Много, много людей прилетят к нам… из будущего.

— Ладно, допустим. — Кент смерил взглядом уровень пива в кувшине и, как только Гарри поставил его на стол, долил пива себе, оставив на дне сосуда с полдюйма янтарной жидкости. — Раз святой Петр велит верить, давайте верить… Ну и где они тогда?

— Во-от! В этом-то все и дело. Об этом нам и твердят некоторые шизики… фижики…

— Физики, — подсказал Мерфи. — Такие, как я. Я есть то, что я есть и ничего с этим не поделаешь…

Гарри не обратил на него никакого внимания и продолжал развивать свою мысль.

— Так вот, если кто-то в будущем наушился летать в прошлое, то есть к нам, в наш-время… — Он с силой ткнул пальцем в стол. — Тогда где же они?! Где эти хронопуп… хронопу-те-шест-вен-ники? Об этом как раз и говорил этот англичанин, как бишь его?.. Ну, тот, в инвалидной коляске…

— Хокинг.

— Во-во, Хокинг!.. Так он как раз и говорил: если пушешествие во времени возмжно, то где же тогда сами пушественники?

— Но разве не то же самое говорилось о пришельцах? — Кент слегка приподнял бровь и на мгновение перестал быть похожим на пьяного. — Этот итальянец, как его… Ферми, что ли?.. Однажды он сказал ту же самую штуку о пришельцах. И чем мы сейчас заняты? Мы ищем пришельцев!..

Тут Мерфи захотелось сказать, что из всех случаев наблюдения НЛО и похищения ими людей, которые ему пришлось расследовать за десять лет работы в УПИ, он еще ни разу не сталкивался со случаем, который можно было бы считать абсолютно доказанным. Он выслушивал показания десятков людей, которые утверждали, будто они побывали на борту внеземного космического корабля, и собрал столько размытых, любительских фотографий дисковидных объектов, что ими был битком набит его самый большой картотечный шкаф, однако за десять лет на государственной службе ему еще ни разу не довелось ни встретиться лицом к лицу с настоящим пришельцем, ни обнаружить ни одного чужепланетного корабля. Впрочем, Мерфи не стал распространяться на эту тему. Как ни пьян он был, он понимал, что сейчас не время и не место оспаривать целесообразность существования Управления или ставить под вопрос стратегию и методы его работы. Кроме того, Мерфи не считал Гарри и Кента настолько близкими друзьями, чтобы делиться с ними своими сомнениями.

— Это не одно и то же, дружище! Далеко не одно и то же! — Несмотря на то, что у него в кружке еще оставалось пиво, Гарри снова потянулся к кувшину, но Кент успел схватить его первым. — Если путешественники во времени существуют, то они смыва… скрываются. Никто не должен знать, что они здесь побывали! Это делается ради нашего же собственного блага, понятно?

Кент засмеялся сухим лающим смехом и вылил остатки пива в свою кружку.

— Конечно, понятно! Может быть, даже сейчас вокруг нас полным-полно людей из будущего.

— Ч-черт, ты прав, дружище! — Гарри резко повернулся к каким-то личностям, которые сидели за соседним столом. — Эй, вы, кто из вас прилетел сюда из будущего?

Незнакомцы неприязненно покосились на Гарри, но промолчали. Синди, которая вытирала столы и ставила на них перевернутые стулья, смерила компанию недовольным взглядом. Время шло к закрытию, и ей совсем не нравилось, что трое пьянчужек пытаются задирать ее последних клиентов.

— Ты что, собираешься устроить бучу? — пробормотал Кент. — Господи, да я же вовсе не хотел раздуть это!..

— Но ведь это действительно важно, дружище! Это наша работа, в конце концов. Может, поставим вопрос, чтобы это заведение лишили лицензии за то, что они тут принимают путешественников во времени без этой… черт!.. без «грин-карты»?

С этими словами Гарри выхватил из кармана свой значок в кожаном футляре, на крышке которого была вытиснена эмблема Управления, и с грохотом отодвинул стул. Мерфи понял, что пора вмешаться. Схватив Гарри за запястье, он с силой потянул его на себя, не давая ему встать.

— Эй, успокойся, слышишь?

Гарри попытался выдернуть руку, но Мерфи не отпускал. Краешком глаза он видел, как Синди подала бармену какой-то знак, и понял: еще немного, и их попросту вышвырнут отсюда.

— Успокойся же! — прошипел он. — И не вздумай показать значок, иначе мы все окажемся в каталажке.

Гарри свирепо взглянул на него, и на мгновение Мерфи показалось, что сейчас он его ударит, но все обошлось. Гарри пьяно ухмыльнулся и тяжело упал обратно на стул. Футляр со значком вырвался из его пальцев и покатился по столешнице.

— Черт возьми, парень, я ведь только пошутил, вот и все… Я хотел только заострить внимание…

— Я понимаю. — Мерфи слегка успокоился и отпустил его руку. — Понимаю. Ты просто хохмишь — вот и все.

— В-вот!.. Ты знаешь, и я знаю: этих вещей просто не бвает — и всс! Ну как их?.. Забыл, как называется…

— Да-да, я знаю. Мы отлично тебя поняли.

На этом все и кончилось. Кент уехал первым, Мерфи задержался, чтобы посадить Гарри в такси и проследить, чтобы тот не выкинул еще какой-нибудь фортель. Только после этого он кое-как натянул куртку и пошел к выходу, ненадолго задержавшись возле бара, чтобы украдкой сунуть пятерку в плексигласовый контейнер для чаевых, на котором было написано «Синди».

На улице не было ни души, ночь была морозной и тихой. Бледносерые клубы дыма из выхлопной трубы ожидавшего его такси плыли над бордюрным камнем, словно усталые призраки. Мерфи забрался в машину и назвал водителю свой арлингтонский адрес; потом он откинулся на заклеенное изолентой сиденье и стал смотреть в заиндевевшее стекло, за которым проплывал освещенный прожекторами купол Капитолия.

Путешествие во времени… Господи, что за дурацкая идея!..

6 мая 1937 года
Четверг, 19:04

С серого, как слюда, неба спускался Левиафан. Сначала он напоминал просто серебристый овал, но после разворота на северо-восток он начал постепенно расти, на глазах увеличиваясь в размерах и приобретая сходство с огромным тыквенным семечком. Как только гудение его четырех дизелей достигло слуха толпы, собравшейся на травянистом аэродроме в Нью-Джерси, к стальной причальной мачте, высившейся в самой середине посадочной площадки, сразу двинулись два отряда военных моряков в белых шапочках. Остальные встречающие, задрав головы, смотрели на колосса, медленно плывшего на высоте шестисот футов над землей.

Легкая тень скользнула по поднятым кверху лицам, когда цеппелин совершил резкий поворот на запад. Теперь зрителям были хорошо видны огромные свастики на его стабилизаторах, олимпийские кольца над иллюминаторами пассажирских кают и само название гигантского воздушного корабля, начертанное высокими готическими буквами над контрольной гондолой от носа к корме.

Пассажиры воздушного корабля собрались в бортовых проходах палубы «А», с любопытством следя сквозь наклонные иллюминаторы за тем, как «Гинденбург» приближается к конечному пункту своего путешествия — военно-воздушной базе ВМФ США в Лейкхэрсте. Из-за сильных встречных ветров над Атлантикой и грозового фронта, двигавшегося из глубины континента к морю, цеппелин опаздывал с прибытием на тринадцать часов, но никого из пассажиров это не огорчало, ибо последние несколько часов полета оказались богаты самыми разными событиями. Они наблюдали проплывающий внизу шпиль «Эмпайр-Стейт-Билдинг»; помешали нормальному течению бейсбольного матча «Доджерсов», остановившегося, когда воздушный лайнер появился над стадионом Эббетс-Филд; увидели, как сердитые волны с белыми барашками бьются о джерсийский берег. Стюарды уже вынесли их багаж на площадку находившейся позади кают лестницы и сложили в кучу у подножия бронзового бюста генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга.

Путешествие на «Гинденбурге» было поистине незабываемым. Три дня пассажиры провели на борту самого известного и самого большого летающего отеля в мире, где утра начинались

изысканным завтраком в столовой, а вечера заканчивались бренди и сигарами в курительной комнате. Но теперь полет подходил к концу, и всем пассажирам не терпелось снова ощутить под ногами твердую землю. Для американцев это было возвращение домой, и они уже предвкушали, как через считанные минуты они воссоединятся со своими семьями и обнимутся с друзьями, ожидающими их на аэродроме. Для членов экипажа это был седьмой по счету — и первый в этом году — трансатлантический рейс. Для супружеской пары немецких евреев конец полета означал спасение от ужасов нацистского режима, захватившего власть в их родной стране. Для троих офицеров разведки Люфтваффе, притворявшихся обычными туристами, высадка на американскую землю знаменовала собой вынужденный контакт с непоседливой и шумной нацией деградирующих «недочеловеков».

И только для двух пассажиров, внесенных в список под именами Джона и Эммы Пенне, посадка в Лейкхэрсте означала начало обратного отсчета.

Оторвав руку от ограждения прогулочной палубы, Фрэнк Лу несильно постучал пальцами по тонкой металлической оправе очков, делая вид, будто поправляет их. На внутренней поверхности правой линзы тут же появились цифры: 19:33:31/-13:41.

— Тринадцать минут, — пробормотал он.

Леа Ошнер ничего не ответила, но ее пальцы чуть сильнее стиснули перила. Пассажиры вокруг них оживленно переговаривались и смеялись, показывая друг другу на удивленных коров на пастбище далеко внизу. Полупрозрачная тень воздушного корабля стала теперь больше, плотнее и приобрела более четкие очертания.

Согласно историческим хроникам, прежде чем снова повернуть на восток и взять курс на причальную мачту, «Гинденбург» должен был опуститься до высоты сто двадцать метров. Пассажирские палубы были, конечно, снабжены звукоизоляцией, так что никто из пассажиров не мог слышать гула дизельных двигателей, но уже сейчас капитан Прусс должен был переключить двигатели на холостой ход. В следующую минуту винты дирижабля должны были Начать вращаться в обратном направлении, тормозя «Гинденбург» перед причаливанием.

— Расслабься, — прошептал Фрэнк. — Еще не время.

Леа выдавила из себя улыбку, но ее пальцы легли на тыльную сторону ладони Фрэнка и несильно пожали. Остальные пассажиры вокруг них пребывали в приподнятом настроении,

поэтому и они тоже должны были выглядеть радостными и беззаботными, ибо они все еще оставались Джоном и Эммой Пенне из Мангазета, Лонг-Айленд. Джон работал билетным агентом Германских Линий Ллойда «Гамбург — Америка» — компании, представлявшей в США интересы германского флота пассажирских дирижаблей. Эмма Пенне, родом из Иллинойса, была на пятнадцать лет моложе своего супруга, но занималась тем же, пропагандируя воздушные путешествия и продавая билеты на дирижабли на территории от Нью-Йорка до Филадельфии. Сейчас они возвращались из деловой поездки в Германию.

Внешне оба производили впечатление уравновешенных и спокойных людей позднесреднего возраста, для которых трансатлантические перелеты были не в новинку. Уж конечно, они не стали бы нервничать из-за того, что оказались на борту «Гинденбурга», хотя через тринадцать… нет, уже через двенадцать минут им суждено было погибнуть.

На самом деле, ни Джон, ни Эмма Пенне не погибли бы в приближающейся катастрофе. В данную конкретную минуту они оба были вполне живы и здоровы и прекрасно себя чувствовали, находясь в двадцать четвертом столетии, вдалеке от какой бы то ни было опасности. Эвакогруппа Хронокосмического исследовательского центра тихо и незаметно похитила супругов из их номера в отеле «Франкфуртер Хоф» ранним утром третьего мая 1937 года и переправила на конспиративную квартиру в предместье Франкфурта. К настоящему времени «Миранда» уже должна была доставить Джона и Эмму в 2314 год от рождества Христова, и Фрэнк искренне надеялся, что настоящий Джон Пенне не будет очень возражать против похищения, когда ему все как следует объяснят. Фрэнк весьма сомневался, что кто-то на месте Джона и Эммы стал бы сильно расстраиваться, учитывая, что альтернативой была неминуемая смерть в огненном аду.

Теперь Фрэнк сам стал пятидесятилетним американским бизнесменом; Лея выглядела на сорок, хотя на самом деле ей было двадцать девять. Искусственная нанокожа и имплантированные вокализаторы столь убедительно изменили их облик, что не далее как позавчера они успешно отужинали с капитаном Эрнстом Леманом — старым знакомым Пеннсов. Капитан Леман, инспектировавший капитана Прусса во время его первого трансатлантического перелета, не заметил подмены, однако все остальное время Леа и Фрэнк благоразумно держались своей каюты и почти не общались со своими спутниками; чем меньше они сталкивались с экипажем и пассажирами, тем меньше была опасность непреднамеренно изменить ход истории.

И все же совершенно исключить контакты с окружающими было, разумеется, невозможно. Один такой случай произошел вчера, когда вместе с другими пассажирами супруги Пенне отправились на экскурсию по кораблю.

Экскурсия эта была необходима. Джон и Эмма осматривали дирижабль — следовательно, Фрэнк и Леа должны были поступить так же, чтобы не нарушать естественного хода событий. Но самым главным было то, что эта прогулка позволяла исследователям выполнить свою основную задачу — собрать достоверные аудиовизуальные материалы о последнем полете «Гинденбурга» и установить истинную причину гибели цеппелина ЛЗ-129. И пока пассажиры гуськом пробирались по узкому килевому мостику и, разинув рты, рассматривали огромные резервуары с водородом, схваченные для прочности титанических размеров дюралюминиевыми кольцами, Фрэнк и Леа остановились, чтобы прикрепить в укромном месте миниатюрный «наблюдатель» — крошечную передающую видеокамеру размером не больше заклепки, под которую она и была замаскирована. «Наблюдатели», искусно размещенные ими по всему кораблю, передавали изображение и звук на записывающие устройства, спрятанные в портсигаре Фрэнка и в пудренице Леа. Сотрудники гестапо, внимательно осматривавшие багаж и личные вещи пассажиров накануне отлета, не заметили их; впрочем, нацисты искали, разумеется, взрывчатку, а не шпионское оборудование, которое было столь миниатюрным, что его можно было без труда разместить в обычных для первой половины двадцатого века безделушках.

Неприятность случилась, когда экскурсанты достигли кормы дирижабля и проходили по мосткам под тем местом, где в парусиновую оболочку газового отсека № 4 был аккуратно зашит заряд взрывчатки со взрывателем. Корабельный врач Курт Рудигер, проводивший экскурсию, как нарочно остановился здесь, чтобы показать пассажирам причальную шахту в нижнем килевом стабилизаторе, и тут Фрэнк и Леа услышали у себя над головой шаги. Кто-то спускался к ним по металлической лестнице. Через несколько секунд из темноты наверху появился один из членов команды; ступив на мостки, он повернулся, чтобы идти на нос.

Мостки были освещены низковольтными электрическими лампами, и, как только их свет упал на лицо матроса, Фрэнк и Леа тотчас же его узнали. Это был Эрик Шпель — тот самый человек, который, как считалось, и заложил бомбу, взорвавшую «Гинденбург». На первый взгляд, Шпель нисколько не походил на саботажника, хотя сейчас он и появился очень близко от того места, где находилась бомба. Бомбу внутри газового отсека он

заложил, еще когда «Гинденбург» стоял в ангаре во Фридрихшафене. Высокий, светловолосый, одетый в тускло-коричневую хлопчатобумажную робу и башмаки на мягкой резиновой подошве, Эрик Шпель напоминал просто усталого рабочего, Пассажиры посторонились, давая ему пройти, и только Леа замешкалась. В ее ожерелье была вмонтирована миниатюрная камера, и она хотела воспользоваться случаем запечатлеть лицо Шпеля.

Но каблук ее левой туфли застрял в отверстии пола, сделанного из перфорированного алюминия. Леа пошатнулась и, взмахнув руками, попыталась схватиться за ограждение. Туго натянутая парусиновая оболочка дирижабля находилась всего в тридцати футах ниже мостков. Дальше начиналась трехсотметровая пропасть, на дне которой плескались холодные волны Северной Атлантики.

Фрэнк потянулся к Леа, чтобы поддержать ее, но Эрик был ближе. Схватив Леа за плечи, он помог ей удержаться на ногах. Потом вежливо улыбнулся пассажирке и, пожелав фройляйн быть осторожнее, пошел дальше.

Все это заняло всего несколько секунд и не привлекло к себе особого внимания, однако в Хронокосмическом исследовательском центре к подобным происшествиям относились с предельной серьезностью, ибо никто не знал, какое влияние они могли оказать на историю. Некоторые ученые полагали, что напряженность мировых темпоральных линий столь велика, что малейшее стороннее воздействие на них может вызвать очень серьезные последствия. В качестве примера подобного воздействия обычно приводили случай, когда появление наблюдателей ХКИЦ в Далласе, за оградой автостоянки вблизи Дилей-Плаза 22 ноября 1963 года, чуть было не изменило ход истории. Другие же утверждали, что пространство-время гораздо более пластично, чем обычно считается, и поэтому при темпоральных погружениях мелкие происшествия вполне допустимы, так как история уже находится в движении. Или, иными словами, сколько бы бабочек ни раздавил в плейстоцене путешественник во времени, динозавры все равно вымрут.

Несмотря на это, когда Фрэнк и Леа вернулись в свою каюту, на душе у них было неспокойно. Они боялись, что происшествие может вызвать парадокс времени. Но события, похоже, продолжали развиваться естественным путем. Когда на следующее утро, накануне прибытия «Гинденбурга» в пункт назначения, Фрэнк и Леа наблюдали из своей каюты внутренние помещения дирижабля, они увидели, как Эрик Шпель прошел по

алюминиевому мостику и, оглядевшись по сторонам, поднялся по трапу в отсек номер четыре. Миниатюрная камера, которую Фрэнк установил у основания трапа, не обладала достаточной светочувствительностью, чтобы передать его изображение в видимом спектре, но зато она реагировала на тепловое излучение человеческого тела. На термограмме было хорошо видно, как Эрик, держась за лестницу под газовым отсеком, устанавливает часовой механизм, который должен был соединить две сухих гальванических батареи с небольшим фосфорным запалом.

Итак, история не изменилась. В 19 часов 25 минут по местному времени 203 тысячи кубометров водорода воспламенятся. Через тридцать семь секунд после этого объятый пламенем воздушный гигант весом в 241 тонну рухнет на землю.

«Гинденбург» тем временем все больше и больше замедлял ход. В иллюминаторы прогулочной палубы уже были видны похожий на коробку из-под печенья ангар и ажурная причальная мачта, у подножия которой выстроились крошечные фигуры военных моряков в белых головных уборах.

Фрэнк снова коснулся металлической оправы очков. 19:17:31/-08:29. Через несколько секунд будет слита вода из кормовых балластных цистерн и сброшены носовые швартовы.

Но не восемь оставшихся минут беспокоили его больше всего, а те тридцать семь секунд, которые пройдут между взрывом и ударом о землю. Подняться на борт «Гинденбурга» им с Леа было совсем не трудно — гораздо труднее будет сойти на землю живыми и невредимыми.

6 мая 1937 года
Четверг, 19:21

Василий Мец уже давно решил, что самым интересным в начале двадцатого столетия было то, как выглядела Земля из космоса.

Дело было даже не в относительно малых размерах городов, не в чистоте воздуха над ними и даже не в несколько иных очертаниях океанских побережий. Конечно, любопытно было увидеть Нью-Йорк Сити в те времена, когда город еще не был наполовину погружен в воду и его небоскребы четко вырисовывались на фоне неба, однако не это было самое удивительное. В конце концов, это было третье путешествие Меца в качестве пилота «Оберона», поэтому к подобным различиям он успел присмотреться. Больше всего его поражала девственная пустота околоземного пространства — ни тебе энергетических спутников, ни колоний, ни снующих туда-сюда челноков. Не было даже низкоорбитальной станции «Хронос», служившей основной базой для хронолетов-разведчиков ХКИЦ, откуда они вылетали и куда возвращались, завершив свою миссию. И самое главное, вокруг Земли не было плотного роя разнокалиберного космического мусора, и не мудрено — первый искусственный спутник появится на орбите еще только через четыре десятилетия, и пройдет еще тридцать лет, прежде чем находящиеся в состоянии свободного падения обломки ракет и отслужившие свое спутники начнут представлять опасность для околоземной навигации. Пройдет не менее двадцати лет, прежде чем появится первое сообщение о появлении «летающей тарелки», и если бы кто-нибудь поинтересовался мнением Меца, то он высказался бы за то, чтобы дела обстояли именно так как можно дольше.

На протяжении последних трех дней — после кратковременного визита на Землю, когда Василий высадил Лу и Ошнер в пригороде Франкфурта и совершил суборбитальный бросок, чтобы доставить в Нью-Джерси Тома Хофмана — он удерживал станцию на геосинхрон-ной орбите, зависнув высоко над Нью-Джерси. Все это время он оставался совершенно один, если не считать переговоров с экипажем «Миранды», пробивавшей тоннель, по которому вернулись на «Хронос» спецгруппа поддержки и два этих милых, спокойных человека — Джон и Эмма Пенне. Но тремя часами ранее «Оберон» перешел на новую орбиту, пролегающую на высоте 289 километров над Нью-Джерси,

и теперь Мец был очень занят. Уравновешивать силу тяготения Земли антигравитационным приводом хронолета, одновременно компенсируя вращение планеты, было далеко не простой задачей. Кроме того, Мецу приходилось поддерживать постоянный радиоконтакт с Хофманом. Спутников связи, которыми они могли бы воспользоваться, еще не существовало; установить тарельчатую антенну Том тоже не мог, поэтому им приходилось пользоваться обыкновенной радиопередачей в стокилометровом волновом диапазоне, который был бы недоступен любителям-коротковолновикам этого временного периода.

— База Лейкхэрст вызывает «Оберон», — раздался в наушниках Ме-ца голос Хофмана. — Как слышите меня? Прием.

Меи поправил микрофон.

— Слышу вас хорошо, Лейкхэрст. Доложите обстановку.

— Обстановка нормальная. «Гинденбург» подошел к причальной мачте. Водяной балласт сброшен, только что опущены носовые швартовы. Высота от земли — около девяноста одного метра. Ожидаемое событие наступит через три минуты семнадцать секунд плюс последний отсчет.

Хофман старался говорить профессионально-безразличным тоном, но Мец ясно уловил в его голосе взволнованные нотки. И он не мог винить за это Хофмана. Меньше чем через четыре минуты главный специалист проекта своими глазами увидит одну из величайших технологических катастроф столетия, на девять десятилетий приостановившую коммерческое использование летательных аппаратов легче воздуха. Проявить свои эмоции в разговоре — это было, пожалуй, единственное, что мог позволить себе Том. Было бы гораздо хуже, если бы, не усидев в своей взятой напрокат в машине, он смешался с толпой и кто-нибудь из людей на аэродроме увидел его с радиопередатчиком.

— Примите сообщение, Лейкхэрст. — На плоском экране под ходовым иллюминатором появилось подсвеченное радарное изображение «Гинденбурга», зависшего над базой ВМФ в Лейкхэрсте. Оно было похоже на светло-голубую пулю, вокруг которой роилось несколько сот крошечных белых точек. В верхней части экрана горело табло расчета времени: 06.05.37/19:22:05/Событ. — 02:45.

— Продолжаю удерживать станцию в заданной точке. Готов забрать вас по сигналу маяка.

— Очень хорошо, «Оберон». Я вот-вот… — Остальное потонуло в шипении статики, и пальцы Меца ловко пробежали по пульту управления, корректируя позицию хронолета-разведчика. Шипение тут же затихло, и он услышал окончание фразы Хофмана:

— …огромен. Ты не поверишь, насколько он велик! Его размеры можно сравнить разве что с астероидным буксировщиком. Эта штука…

— Не отвлекайтесь от задачи, Лейкхэрст.

— Мотор работает, я готов тронуться в любой момент. — Последовала еще одна пауза. — Просто не верится, что когда-то люди действительно использовали двигатели внутреннего сгорания, чтобы перемещаться с места на место. От них жутко воняет!

— Я знаю. Не выключайтесь… — Мец снова бросил взгляд на хронометр. Осталось две минуты, одиннадцать секунд и последний отсчет, плюс-минус несколько секунд поправки на неточность в записях современников. Эти несколько секунд и были самой сложной частью всей операции.

— Ну что ж, Фрэнк, — пробормотал он негромко. — Теперь все зависит только от тебя. Постарайся ничего не испортить.

6 мая 1937 года
Четверг, 19:23

Над аэродромом установилась сверхъестественная тишина. Даже надоедливый мелкий дождь, зарядивший с самого утра, ненадолго прекратился, сквозь разошедшиеся тускло-серые облака проглянули прямые, как стрелы, лучи закатного солнца, и серебристые бока «Гинденбурга» окрасились зеленоватым светом весенних сумерек. Военные моряки дружно налегали на швартовы цеппелина, словно играя в перетягивание каната с Левиафаном, бесшумно паривши в трехстах футах над их головами, и только где-то на краю толпы радиожурналист из Чикаго беспрерывно комментировал происходящее, склонившись над портативным магнитофоном.

Оглядевшись по сторонам, Фрэнк неожиданно подумал о том, что он окружен мертвыми людьми. Вот Фриц Эрдманн — полковник Люфтваффе, пытавшийся разоблачить возможного саботажника среди пассажиров, но проглядевший Эрика Шпеля; вскоре он будет убит обрушившейся горящей балкой. Обречены Герман Донер и его дочь — очаровательная юная Ирэн, — отправившиеся в Америку, чтобы провести здесь каникулы и отдохнуть. Погибнет Мориц Файбух — приятный, хорошо воспитанный господин, которого стюарды с самого начала отделили от других немцев просто потому, что он был евреем. Доживал свои последние минуты и Эдвард Дуглас — служащий «Дженерал моторе» и американский шпион (по предположению гестапо), от которого на протяжении всего полета Фриц Эрдманн не отходил буквально ни на шаг.

И, точно так же как все эти люди, должны были погибнуть в огне Джон и Эмма Пенне; такова, во всяком случае, была их судьба с точки зрения истории.

Но в действительности все обстояло несколько иначе. Одежда, которую с самого утра надели на себя Джон и Эмма, только казалась сшитой из обычного хлопка и шерсти; на самом деле она была выполнена из особой огнеупорной ткани, неизвестной в этом столетии. Носовые платки, которые лежали у них в карманах, будучи развернуты и прижаты ко рту, обеспечивали две минуты нормального дыхания в любой атмосфере, так как содержали в себе запас молекулярного кислорода. Зато в багаже супругов Пенне не осталось ничего, что было бы сделано в двадцать четвертом столетии. Миниатюрные камеры, которые они разместили по всему воздушному судну,

должны были испариться, как только температура достигнет 96 градусов по Цельсию. Что касалось исчезновения их тел, то его легко было объяснить тем, что страшный жар попросту испепелил их, и это, кстати, выглядело бы не так уж неправдоподобно, поскольку после катастрофы некоторые останки были опознаны только по обручальным кольцам и часам с гравировкой.

— Время? — шепнула Леа, и Фрэнк снова постучал по оправе очков.

— Примерно шестьдесят пять секунд, — ответил он и, сняв очки, убрал их в карман. Леа кивнула и, отпустив его руку, снова доложила ладонь на перила.

По палубе неожиданно пронесся сквозняк — должно быть, кто-то открыл иллюминатор. Одна из пассажирок помахала рукой мужчине, который, стоя в толпе встречающих, возился с пузатой кинокамерой.

Призраки… Одни только призраки окружали Фрэнка.

В нагрудном кармане его пиджака лежала небольшая вещица, которую он позволил себе взять на память о путешествии. Это был сложенный в несколько раз лист плотной бумаги, в верхней части которого были типографским способом оттиснуты изображение воздушного корабля и его название. Под этой гравюрой был напечатан список пассажиров. Сей документ предназначался вовсе не для ХКИЦ — Фрэнк уже решил, что когда вернется домой, то вставит его в рамочку и повесит на стену своей квартиры в Тихо-Сити. Конечно, это было нарушение, и Леа ворчала на него до тех пор, пока Фрэнк не возразил, что во время катастрофы бумага, безусловно, сгорит. Впоследствии сам он сделал вид, будто не заметил чайной ложечки, которую Леа заткнула за резиновую подвязку чулка. Фрэнк знал, что подобных мелочей никто никогда не хватится, и искренне жалел о том, что не может спасти двух собак, которые путешествовали вместе с ними в специальной клетке, стоявшей в багажном отделении. Там, откуда явились Леа и Фрэнк, собаки были большой редкостью, и ему даже не хотелось думать о том, что станет с этими ни в чем не повинными тварями, когда…

Фрэнк глубоко вздохнул, стараясь привести в порядок взвинченные нервы. Спокойнее, приказал он себе. Все будет в порядке, только не надо терять голову.

Это место по правому борту на палубе «А», неподалеку от ведущего вниз трапа, Фрэнк и Леа заняли совсем не случайно. Им было известно, что большинство из оставшихся в живых пассажиров уцелело только потому, что они находились именно здесь, а не по левому борту, где путь к спасению людям преградила мебель, выброшенная из широких дверей обеденного

зала. Настоящий Джон Пенне погиб, потому что незадолго до катастрофы ушел с палубы, чтобы проведать Эмму, которая по неизвестным причинам оставалась в каюте. Что это было? Морская болезнь? Или, возможно, некое предчувствие? В истории не осталось никаких упоминаний о том, почему погибли супруги Пенне, но Фрэнк и Леа не собирались повторять их ошибку.

Они знали, что первой о землю ударилась корма дирижабля. Было неизвестно, как поведет себя при этом стоявший в конце прогулочной палубы огромный рояль, однако Фрэнк и Леа уже решили, что побегут по проходу, как только почувствуют первый гибельный рывок, который поначалу все примут за обрыв причального каната. Вниз по трапу, мимо палубы «Б», к пассажирскому люку… К тому времени, когда они достигнут его, «Гинденбург» будет уже почти что на земле, и им придется прыгать с высоты не более четырех метров.

Тридцать семь секунд. С того момента, когда в верхней части кормового отсека будет замечен первый огонь, и до того времени, когда «Гинденбург» превратится в объятый пламенем остов, пройдет всего тридцать семь секунд… Вполне достаточно, чтобы обвести историю вокруг пальца.

Или проиграть.

Фрэнк почувствовал, что Леа незаметно придвинулась к нему.

— Если мы не…

— У нас все получится.

Прислонившись головой к его плечу, Леа кивнула.

— Но если все-таки…

— Только не говори, что любишь меня.

Ее смех прозвучал сухо и нервно.

— Ты себе льстишь.

Фрэнк с трудом усмехнулся. Пальцы Леа на мгновение сжали его предплечье и вернулись на перила ограждения. Бросив взгляд в иллюминатор, он увидел, как тень дирижабля приближается к причальной мачте.

— Держись… Теперь это может произойти каждую секунду.

Дирижабль двинулся назад, вперед, снова назад. Наземная команда боролась с ветром, стараясь подтянуть воздушный корабль к стальному треножнику причальной мачты. Две тени на земле соединились в одну.

Фрэнк с силой сжал ограждение, чувствуя, как перила врезаются в ладонь. О’кей, о’кей… Ну когда же?..

Резкий рывок сотряс воздушный корабль.

Схватив Леа за плечи, Фрэнк развернул ее к выходу.

— Бежим! — воскликнул он. — Скорее, скорее!..

Леа сделала шаг, потом остановилась. Фрэнк наткнулся на

нее.

— Шевелись же! — Он подтолкнул ее в спину. — Нам нельзя…

Но тут он тоже остановился и прислушался.

Палуба под ногами больше не шаталась. Она даже не накренилась.

Ни криков, ни отчаянных воплей. Кресла и шезлонги оставались на своих местах.

Пассажиры глядели на них кто с удивлением, кто с насмешкой. Эдвард Дуглас усмехнулся и, прикрывая рот ладонью, сказал что-то жене. Мориц Файбух сочувственно покачал головой. По лицу четырнадцатилетней Ирэн Донер скользнуло выражение снисходительного превосходства. Полковник Эрдманн презрительно фыркнул.

Тут на прогулочной палубе появился один из стюардов. Он объявил, что «Гинденбург» благополучно прибыл в порт назначения и что пассажиры должны собраться у выходного трапа. Просьба не забывать свои вещи. По выходе из дирижабля просьба незамедлительно пройти американский таможенный контроль.

Фрэнк посмотрел на Леа. Она была бледна и дрожала, прижимаясь к нему всем телом.

— Что случилось?.. — прошептала она.

16 января 1998 года
Пятница, 08:12

Телефонного звонка Мерфи не слышал — он как раз находился в ванной, обрабатывая кровоостанавливающим карандашом многочисленные порезы, оставленные бритвенным лезвием на шее и подбородке. В последнее время он хранил свою бритву под небольшой стеклянной пирамидой, которую Донна подарила ему на Рождество. Если верить рекламной брошюре, эта пирамида — точная копия египетских — должна была сохранять лезвия острыми, но, судя по всему, со своими обязанностями она справлялась плохо. Либо это, либо тяжкое похмелье, от которого страдал Мерфи, и привели к тому, что он в нескольких местах порезал лицо.

Как бы там ни было, Мерфи понятия не имел, что он кому-то понадобился, до тех пор, пока Донна не постучала в дверь ванной. «С работы», — негромко сказала она, протягивая ему радиотелефон, и Мерфи скорчил недовольную гримасу. Он и так уже опаздывал, ибо проснулся с такой сильной головной болью, что не сразу сумел заставить себя встать. Должно быть, решил он, на восемь было назначено очередное совещание, о котором он совершенно забыл, и теперь ему звонит кто-то из сотрудников УПИ, чтобы выяснить, почему он не пришел.

Вчера вечером, когда пьяный Мерфи вернулся домой на такси, Донна была крайне недовольна, а необходимость подвозить его с утра на работу отнюдь не способствовала примирению. Смерив мужа укоризненным взглядом, она вернулась к телевизору досматривать утренний гороскоп.

Мерфи взял трубку.

— Алло, Зак слушает… — сказал он, прижимая телефон плечом к подбородку.

— Говорит Роджер Ордман…

Мерфи чуть не уронил трубку в раковину. Роджер Ордман был исполнительным директором Управления, и за десять лет службы в УПИ Мерфи разговаривал с ним ровно три раза: в первый раз, когда поступал на работу, и дважды — по разным социальным вопросам. Достаточно сказать, что Роджер Ордман был тем самым человеком, которому Президент позвонил, когда на втором этаже Белого дома был замечен Дух Мэри Линкольн.

— Слушаю вас, сэр. — Мерфи непроизвольно выпрямился. — Извините, что опаздываю, однако как раз сегодня утром аккумулятор в машине приказал долго жить. Но жена меня

подбросит…

— Не волнуйтесь, мистер Мерфи, я все понимаю. Такие вещи иногда случаются. Я хотел поговорить с вами по другому поводу. У нас тут возникла одна небольшая проблема…

Мерфи нервно переступил с ноги на ногу; кафельная плитка на полу ванной неожиданно показалась ему гораздо холоднее, чем была в действительности.

О Боже, подумал он, должно быть, это из-за вчерашнего. Не иначе, по пути домой Гарри завернул в ночной бар, сцепился там с кем-нибудь и попал в кутузку. Или же Кент врезался во что-нибудь на машине. Так или иначе, без полиции дело не обошлось, и его имя выплыло наружу.

— Проблема, сэр?..

— Вы на защищенной линии, Зак?

Мерфи не сразу понял, что имеет в виду Ордман. Потом он вспомнил, что говорит по радиотрубке.

— Гм-м… Нет, сэр. Вы хотите, чтобы я…

— Да, будьте добры.

— Одну минуточку, сэр… — Мерфи не без труда отыскал на трубке кнопку «ожидание» и, выйдя из ванной, прошел по коридору в небольшой кабинет рядом с гостиной. Дверь за собой он закрыл, но Донна даже не подняла головы; телевизор был включен на полную громкость, и это значило, что она не услышит, о чем он будет говорить с Ордманом. Астролог-предсказатель как раз объяснял Донне, почему сегодняшний день особенно благоприятствует Козерогам, желающим обновить старые дружеские связи, в особенности — со Скорпионами.

Сев за стол, Мерфи снял трубку обычного телефона и выключил радиотелефон.

— Я слушаю, сэр. Извините, что заставил вас…

— Это защищенная линия?

Да что с ним такое?!

— Да, сэр, я говорю с другого аппарата, если вы это имели в виду. Я, видите ли, был в ванной, когда вы позвонили. Я как раз собирался…

— Сообразив, что начинает мямлить, Мерфи оборвал сам себя. — Да, сэр, это надежная линия.

Последовало короткое молчание, потом Мерфи услышал:

— Произошла авария.

Господи Иисусе! Кто-то из парней и впрямь попытался доехать до дома на собственной машине. Кто же — Кент или Гарри? Скорее всего, Гарри — пожалуй, он был самым пьяным. Полез за руль, и на тебе!..

Только потом Мерфи вспомнил, с *кем* он разговаривает. В

этом контексте фраза об аварии приобретала совсем иное значение.

— Да, сэр, я понимаю, — медленно проговорил он, а мысли его уже неслись с бешеной скоростью, обгоняя одна другую. — А где это произошло?

— В Теннеси, примерно в шестидесяти милях к востоку от Нэшвилла. Всего час или полтора назад.

— Понятно… Скажите, кто-нибудь… Кто-нибудь видел саму машину?

— Мы обнаружили машину, но внутрь еще никто не заглядывал. Как раз сейчас готовится к выезду бригада «скорой помощи», которая должна все исследовать. Вы можете быть готовы через… десять минут?

По спине Мерфи пробежал неприятный холодок.

— Через десять? Мистер Ордман, я еще не…

— Мы выслали за вами автомобиль. Группа уже в сборе, самолет ждет в аэропорту Далласа. С подробностями вас познакомят по дороге. Так вы сможете выйти через десять минут?

Мерфи все еще был в халате. Его костюм висел на плечиках и, скорее всего, нуждался в том, чтобы по нему прошлись специальной щеткой, которая так хорошо собирает приставшие к ткани волоски и ворсинки. Он даже еще не выбрал галстук, зато в чулане, в его старой адидасовской сумке, лежала смена чистого белья, оставшаяся еще с прошлой осени, когда он в последний раз ездил на охоту. На то, чтобы собрать и уложить портативный компьютер, требовалось всего несколько минут.

— Да, я буду готов.

— Очень хорошо, доктор Мерфи. У вас появился отличный шанс, смотрите, не упустите его.

— Не упущу, сэр, — ответил Мерфи, постаравшись вложить в свои слова как можно больше уверенности, которой он не чувствовал. — Буду держать вас в курсе.

— Хорошей кармы, — ответил Ордман и дал отбой.

Мерфи осторожно опустил трубку и, откинувшись на спинку кресла, с облегчением выдохнул воздух. Ночью над Арлингтоном прошел легкий снег, и в окно кабинета ему был виден выбеленный цветник Донны и присыпанные белым крошевом качели Стива, которыми он уже давно не пользовался. В саду было холодно, пусто и неприютно; Мерфи невольно задумался о том, насколько теплее может быть в Теннеси.

Потом он снова вздохнул и, встав из-за стола, пошел сказать Донне, что уезжает в служебную командировку.

6 мая 1937 года
Четверг, 20:00

Через тридцать пять минут после того как «Гинденбург» пришвартовался на аэродроме базы ВМФ в Лейкхэрсте, взрыв, прогремевший в одном из кормовых отсеков дирижабля, уничтожил гигантский воздушный корабль.

По счастливому стечению обстоятельств, когда «Гинденбург» взорвался, на борту не было ни одного человека. Все пассажиры и члены экипажа сошли на землю, а техники наземной команды успели разбежаться и попрятаться, прежде чем пылающий дирижабль рухнул на землю, увлекая за собой причальную мачту. Оператор из отдела кинохроники сумел заснять катастрофу на пленку, и впоследствии комментаторы и журналисты наперебой твердили о том, как удачно, что «Гинденбург» взорвался уже на стоянке. Случись это, пока воздушный корабль был в воздухе, не обошлось бы без множества жертв.

Фрэнк и Леа наблюдали за пожаром, сидя во взятом напрокат «Форде-седане» Хофмана. Машину Хофман предусмотрительно отогнал на край аэродрома и припарковал на обочине шоссе.

То, как развивались события, по-настоящему потрясло их. С трудом сохраняя видимость спокойствия, Фрэнк и Леа разыскали свой багаж и спустились на землю по выходному трапу. Как они прошли таможню, где в их паспорта поставили соответствующие штампы и поздравили с возвращением на родную землю, они помнили плохо — настолько были удивлены. За стойками таможенного контроля их встретил Хофман. Он сразу же начал задавать вопросы, но Фрэнк знаком велел ему молчать, пока они не отойдут на такое расстояние, где их не могли бы услышать другие пассажиры.

Когда они уже шли к машине, Фрэнк заметил Эрика Шпеля, все еще одетого в тускло-коричневую рабочую униформу. Не замеченный ни своими товарищами по команде, ни офицерами разведки Люфтваффе, Эрик сел на заднее сиденье такси и уехал. А через пятнадцать минут взорвалась бомба.

Фрэнк, Леа и Хофман только переглядывались, пока мимо них одна за другой проносились по шоссе пожарные машины, направлявшиеся к месту катастрофы. Потом Том сказал:

— Ну что ж, по крайней мере, мы не вызвали парадокса времени. Ведь мы еще здесь!..

Фрэнк мрачно посмотрел туда, где бушевал огненный ад.

— Черта с два мы его не вызвали!.. — буркнул он.

— Это еще не известно, — подала голос Леа, которая сидела на заднем сиденье. — Какое-то отклонение, несомненно, произошло. И серьезное, должно быть, но все же только отклонение.

— Ничего себе отклонение! — Фрэнк кивнул в сторону пылающего дирижабля. — Да, я знаю, что во время событий в Далласе кто-то заметил за изгородью двоих наших людей, но тогда ход истории не изменился. А это…

— «Оберон» все еще на орбите, — вставил Хофман, поворачиваясь, чтобы бросить взгляд на футляр с радиопередатчиком, который лежал открытым на заднем сиденье. Леа только что выходила на связь с хронолетом. — Если бы мы вызвали парадокс времени, Василия бы сейчас здесь не было. Более того, мы и сами исчезли бы, верно?

— Что такое парадокс? — сердито спросил Фрэнк. — Ты можешь дать определение? Можешь сказать, что происходит, когда имеет место парадокс пространства-времени?

— Я не совсем…

— Ну давай же, скажи точно, как такой парадокс влияет на существующие темпоральные линии?

— Перестаньте. — Леа захлопнула крышку футляра. — Мы поговорим об этом позже, когда доберемся до места встречи.

И они поехали прочь от Лейкхэрста. Держась пустынных проселочных дорог, они спешили на юго-запад, а вокруг сгущалась холодная весенняя ночь. Когда они углубились в Сосновые пустоши, огни домов и ферм стали показываться все реже, а потом и вовсе исчезли. Низкий туман стелился над болотистыми низменностями, и «белобокие» покрышки седана то и дело натыкались на горбы и ухабы разбитого дорожного полотна.

Составив на пол футляр с передатчиком, Леа вытянулась во весь рост на заднем сиденье седана, заметив при этом, как невероятно просторны были автомобили этой исторической эпохи. Том Хофман возразил на это, что зато они были крайне неэкономичны, так как для того, чтобы сдвинуть с места такую большую массу, требовалось слишком много бензина. Пока они так переговаривались, Фрэнк, которого не покидало мрачное настроение, включил на приборной доске встроенный радиоприемник и, изнывая от нетерпения, принялся вращать рукоятку настройки, ненадолго останавливаясь каждый раз, когда ему удавалось поймать передачу из Нью-Йорка, Трентона или Филадельфии. Танцевальные джазовые программы, юмористические постановки, криминальные мелодрамы сменяли друг друга, а Фрэнк все гонял волосок метчика из конца в конец

шкалы, стараясь найти хоть какой-то ключ к тому, что случилось — или, вернее, не случилось — с «Гинденбургом».

Когда они сворачивали с шоссе на неприметную грунтовую дорогу, эстрадная программа из Нью-Йорка неожиданно была прервана коротким выпуском экстренных новостей. Диктор сообщил, что германский дирижабль «Гинденбург», погибший в результате необъяснимого пожара час с четвертью назад, был уничтожен взрывом заложенной на борту бомбы. В анонимном сообщении, полученном радиостанцией всего несколько минут назад, говорилось, что ответственность за акт саботажа принимает на себя немецкая подпольная антифашистская организация. Подпольщики утверждали, что бомба на борту «Гинденбурга» была заложена для того, чтобы, с одной стороны, привлечь внимание мировой общественности к жестокостям, творимым нацистским режимом, а с другой — показать немецкому народу, что Гитлер все еще может быть отстранен от власти.

Прослушав это сообщение, Фрэнк выключил радио. В машине установилось долгое молчание, потом Фрэнк вздохнул.

— Именно это я и называю парадоксом, — сказал он.

— Но мы все еще здесь, — негромко напомнил Том Хофман.

— Это означает, что мы каким-то образом пережили возмущение, которое сами же и вызвали.

— Кто тебе сказал, что это *наша* вина?! — воскликнула Леа, снова садясь на сиденье. — Никто не знает, почему бомба Шпеля взорвалась именно тогда, когда она взорвалась. Может быть, часовой механизм был неисправен…

— А может быть, он вернулся и перевел стрелку, — сказал Том.

Фрэнк кивнул.

— Скорее всего, так и было. Как раз вчера Эрик случайно столкнулся с Эммой Пенне и решил, что не может допустить, чтобы такая очаровательная фройляйн погибла в огне.

— По-твоему, выходит, это *я* виновата?! — изумленно воскликнула Леа. — Я тебе не верю! Я не…

— Я шучу.

— Совсем не смешно! Мне и в голову не приходило, что ты…

— По-моему, вам обоим лучше помолчать, — сказал Том, крепко сжимая руль и пытаясь разглядеть в тумане проселок. — Все равно сейчас мы ничего не можем поделать.

Но Леа никак не могла успокоиться.

— Так ты думаешь, что это смешно? — спросила она.

— Нет, не думаю. Но, учитывая, что мы пока ничего не знаем, даже такая гипотеза имеет право на существование…

— Заткнитесь, вы, оба! — во все горло заорал Том. — Ради всего святого, просто заткнитесь и помолчите хоть немного!..

После этого в салоне снова повисла напряженная, враждебная тишина.

В конце концов проселок вывел их на обширную вырубку, где лет десять назад стояла ферма, уничтоженная одним из тех лесных пожаров, которые время от времени проносятся по Сосновым пустошам. От дома осталась только наполовину обрушившаяся каминная труба, все остальное обратилось в трухлявые головешки. Лишь кое-где из высокой травы, которой заросло пепелище, торчали старые, наполовину сгнившие кедровые пни.

Остановив машину, Том выключил фары. Стоило им открыть дверцы, как в салон ворвался слаженный хор лягушек и сверчков. Ночь была довольно прохладной, и Леа, вздрогнув, поплотнее запахнула пальто, инстинктивно сделав шаг по направлению к Фрэнку. Она родилась и выросла на Луне, и звуки дикой природы пугали ее. Фрэнк обнял Леа за плечи и, запрокинув голову, посмотрел на небо. Поднявшийся западный ветер относил облака в сторону, и в безлунном небе сияли яркие звезды.

— Ты не ошиблась, когда давала Василию наши координаты? — негромко спросил он, но, увидев выражение ее лица, осекся. — Прости, я только поинтересовался.

Хофман достал с заднего сиденья чемоданчик с передатчиком и, отойдя на несколько шагов в сторону, положил его на траву. Потом вернулся к «Форду» и, включив под потолком свет, бегло осмотрел салон. Нет, здесь не было ничего такого, что не следовало оставлять в прошлом. Дорожные сумки Фрэнка и Леа лежали в багажнике, а документы и записывающая аппаратура были у них в карманах.

Погасив свет, он вынул из нагрудного кармана небольшую золотую коробочку и, нажав на боковой грани утопленный переключатель, положил ее на выступ крыла рядом с задним сиденьем. Через пять минут после их отлета прокатная компания «Херц» таинственным и необъяснимым образом лишится одного из своих автомобилей, если, конечно, какой-нибудь охотник не набредет на его оплавленный остов.

Когда Том снова подошел к Леа и Фрэнку, оба смотрели в небо, он тоже поднял взгляд. Сначала он не видел ничего; потом там, где сияло созвездие Большой Медведицы, появилось небольшое темное пятнышко округлой формы, которое было лишь ненамного чернее ночного неба.

— Лучше отойти подальше, — пробормотал Хофман. — Возьмите кто-нибудь передатчик.

Они поспешно отбежали к краю поляны. Когда, обернувшись, они снова посмотрели вверх, то увидели большую черную тень, которая с каждой секундой становилась еще больше, заслоняя звезды. «Оберон» спускался в режиме «хамелеон», поэтому для невооруженного глаза хронолет был практически невидим. Даже если бы в это время уже получили широкое распространение радиолокационные станции, «Оберон» не появился бы на их экранах, поскольку полимерное покрытие корпуса поглощало любые лучи. Обнаружить можно было только решетчатый модулятор привода негамассы, расположенный на нижней части хронолета, но он работал практически бесшумно, так что трое путешественников поняли, что «Оберон» опустился до верхушек окружающих поляну деревьев только тогда, когда услышали негромкий гул и увидели, как стелется по земле трава.

Гудение стало громче, и хронолет вдруг появился прямо над ними. Он был специально сконструирован, чтобы походить на классические сомбрероподобные «летающие тарелки», и мог бы украсить собой обложку одного из многих посвященных проблемам НЛО журналов, которые появились в двадцатом столетии. И действительно, украсил в качестве иллюстрации к очередному рассказу о похищении людей инопланетянами, опровергнутому большинством современных ученых. В момент, когда в плоском днище между полусферическими гондолами тоннель-генераторов откинулись, подобно цветочным лепесткам, посадочные опоры, в единственном иллюминаторе хронолета вспыхнул свет. Казалось, на мгновение «Оберон» застыл в воздухе, потом гудение негатрона неожиданно стихло, и корабль грузно опустился на землю.

Исследователи уже бежали к «Оберону», когда в одном из ребер открылась диафрагма входного шлюза, вниз упала легкая лесенка, а в освещенном прямоугольнике входа появился темный силуэт Меца.

— Чего вы ждете?! — прокричал он. — Пошевеливайтесь, мы должны убраться отсюда как можно скорее!

Фрэнк первым добежал до трапа.

— Не так быстро! — сказал он, поднимая над головой футляр с передатчиком. — Нам необходимо выяснить, что здесь произошло! Должно быть, случилось что-то такое, чего мы не предусмотрели!..

— Ты хочешь сказать, что вы еще не закончили?.. — Мец протянул руку и, схватив чемоданчик за ручку, выдернул его из руки Фрэнка. — Может быть, на обратном пути нам следует сделать остановку в Вашингтоне, чтобы вы могли подстрелить Тедди Рузвельта?

— Франклина, ты хочешь сказать…

— Да какая разница? Нам нельзя здесь больше оставаться. — Мец поставил футляр в люк. — Надеюсь, вы не совершили какой-нибудь ошибки, которая помешает нам смыться отсюда?

— Черт побери, Василий, это не наша вина! — Судя по голосу, Леа была вне себя от ярости. — Мы не знаем, что случилось, но это… Мы не…

— Оправдываться будешь в суде, Ошнер. А сейчас нам надо взлетать.

— Мец скрылся в люке. — Поднимайтесь на борт или останетесь здесь! Через шестьдесят секунд — старт.

— Василий, погоди! — Фрэнк вскарабкался по трапу и протиснулся в воздушный шлюз «Оберона». После ночного холода узкое помещение клиновидной формы показалось ему слишком теплым. В забрале висящего на переборке шлема от скафандра для работы в открытом космосе отразилось его вытянутое, словно в кривом зеркале, лицо.

Он помог Леа подняться в шлюз, потом нырнул в диафрагму внутреннего люка и, нагнав пилота, прошел вслед за ним по узкому радиальному коридору в рубку управления.

— Успокойся, Василий, — начал он. — Я должен поговорить с тобой о…

— Не о чем тут разговаривать, Фрэнк. — Войдя в рубку, Мец опустился в кресло пилота и быстро пробежался пальцами по пульту, готовя к перепрограммированию навигационные системы хронолета. — И нечего меня успокаивать, во всяком случае — не после *этого*! Лучше проследи за тем, чтобы твои люди пристегнулись, как следует. Мы взлетаем.

— О'кей, хорошо. — Фрэнк миролюбивым жестом поднял обе руки.

— Вытащи нас отсюда, доставь на орбиту, но не начинай переход до тех пор, пока мы не разберемся в ситуации. Нам, по крайней мере, необходимо попытаться понять, что вызвало отклонение…

Мец резко повернулся вместе с креслом и уперся Фрэнку в грудь крепким пальцем.

— Послушайте, доктор Лу, не вынуждайте меня читать вам лекцию по теории пространства-времени. Причинно-следственные связи. Парадоксы несообразности. Поддержание и энергетический режим перехода Морриса-Торна… Помните?..

— Я только хотел сказать, что нам нельзя торопиться. Мы должны выяснить…

— Выяснять будете потом. Я должен пробить тоннель, пока это еще возможно. — Мец снова повернулся к пульту управления

и принялся нажимать клавиши. По панелям забегали оранжевые, зеленые, голубые и красные огоньки; на полукруглой консоли засветились многочисленные экраны, показывавшие готовность и состояние полетных систем, положение хронолета в местной системе географических координат, орбитальные карты и проекции хронотемпоральных векторов.

Натягивая на голову переговорное устройство, Мец бросил быстрый взгляд через плечо.

— Извини, Фрэнк, но здесь твои полномочия кончаются. На борту командую я, и как я скажу, так и будет. Раз я сказал — срочный старт, значит, мы взлетаем, и как можно скорее. Прикажи лучше своим людям занять противоперегрузочные кресла — полет к «Хроносу» будет не из легких.

Фрэнк понял, что спорить дальше не имеет смысла. Инструкции ХКИЦ на сей счет были достаточно строги. Пусть Фрэнк и был руководителем исследовательской группы, однако по уставу на борту хронолета последнее слово всегда оставалось за пилотом. Мец просто воспользовался своим правом.

Повернувшись, Фрэнк вышел из рубки управления. Когда дверь за ним захлопнулась, он с досадой хватил кулаком по переборке.

— Кретин! — громко выругался он.

Когда, пройдя коротким коридором, Фрэнк заглянул в пассажирский отсек, он увидел, что Хофман уже сидит, пристегнувшись к одному из трех противоперегрузочных кресел.

— Леа в аппаратной, — сообщил Том, прежде чем Фрэнк успел задать ему вопрос. — Я думаю, она…

— Оставайся в кресле, я ее позову. Василий хочет выдернуть нас отсюда как можно скорее. — Он попятился назад и, выйдя в коридор, повернул к последнему из больших помещений хронолета, расположенному в дальнем от пассажирского отсека конце коридора.

— Леа! — позвал он. — Василий…

— Я знаю, слышала… — Леа уже сняла костюм Эммы Пенне и натянула облегающий эластичный комбинезон. От ее внешнего вида Фрэнка слегка покоробило — Леа еще не избавилась от нанокожи, и ее тело сорокалетней, склонной к полноте женщины выглядело не особенно привлекательно. Фрэнк, однако, прекрасно ее понимал; будь у него хоть одна свободная минутка, он бы тоже переоделся. Костюмы двадцатого века были на редкость неудобными; кроме того, тело в них почти не дышало, и они очень быстро становились липкими от пота.

Леа стояла перед панелью в центре аппаратной; ее пальцы проворно сновали по клавишам компьютера. Фрэнк заметил, что

она вошла в справочно-библиотечную подсистему.

— Дай мне еще минуту, — попросила она. — Я хочу посмотреть, нельзя ли выяснить, в чем дело, по материалам, которые мы записали на борту дирижабля.

— У нас нет этой минуты, — ответил Фрэнк. — Василий собирается стартовать в экстренном режиме.

— Лучше помолчи и дай мне твой портсигар. — Леа уже подсоединила свою пудреницу к компу. Теперь, не глядя на Фрэнка, она протянула к нему руку ладонью вверх. — Скорей же!

— У нас нет времени! — повторил Фрэнк, но все же достал из кармана свой портсигар и протянул ей. Леа схватила его, вытряхнула на пол невыкуренные сигареты и подсоединила идущий от компа кабель к незаметному разъему на донышке нижней крышки портсигара. Потом нажала несколько клавиш и бросила нетерпеливый взгляд на настенный экран. Библиотечная подсистема начала загружать в свои банки данных всю информацию, которую записали размещенные на «Гинденбурге» миниатюрные «наблюдатели».

— Отлично, просто отлично… — удовлетворенно пробормотала она, некоторое время спустя. — Похоже, мы ничего не пропустили. А теперь поглядим, что происходило в отсеке № 4 незадолго до взрыва.

— Теперь это уже не важно, — перебил ее Фрэнк. — Мы должны лежать пристегнутые в противоперегрузочных креслах!

С этими словами он схватил ее за запястье и оттащил прочь от панели, однако прежде чем он развернул ее к выходу, Леа успела схватить оба записывающих устройства.

Фрэнк и Леа ворвались в пассажирское отделение за считанные секунды до того, как диафрагма люка плотно замкнулась. Едва они успели разместиться в креслах, хронолет начал подниматься. Бросив взгляд на информационное табло, Фрэнк увидел, что Мец отключил маскировочный режим и гравитационный экран, чтобы дать негатрону полную мощность. Сжав зубы, он про себя обругал пилота последними словами. Похоже, их ожидал по-настоящему тяжелый старт…

Потом хронолет рванулся вверх, в ночную мглу, и перегрузка вдавила их в сиденья. На настенном экране появилось изображение оставшейся внизу земли. Ненадолго показались огни джерсийского побережья и Нью-Йорка, потом они исчезли, скрытые высокими, плотными облаками. В следующее мгновение «Оберон» пронзил облачный слой и устремился в космос.

Слишком быстро… Фрэнк изо всех сил вцепился в поручни своего кресла, стараясь справиться с перегрузкой, которая все сильнее сдавливала грудь. Так нельзя, подумалось ему. Они не

должны были поступать подобным образом. Окружающее двоилось и расплывалось в его глазах, но боковым зрением он все еще различал профиль Леа в соседнем про-тивоперегрузочном кресле. Судя по выражению ее лица, она была рассержена так же сильно, как и он сам. И, черт побери, она была совершенно *права*! Они улетели, так и не разобравшись, что же все-таки произошло там, внизу.

Фрэнк попытался поднять руку, но она была словно налита свинцом и не повиновалась. Потом он вспомнил, что так и не надел переговорное устройство и не может поговорить с Мецем.

На настенном экране появился земной горизонт. Он представлял собой темный полукруг, по краю которого шла тонкая светящаяся полоска светло-голубого цвета. Над нею вставали яркие звезды, и в тот же момент Фрэнк почувствовал, что его тело начинает подниматься над подушками сидений.

Невесомость! Они достигли второй космической скорости, и Мец уменьшил тягу негатрона. Но ведь они должны остановиться, должны лечь на низкую орбиту! Им необходимо время, чтобы разобраться в том, что же произошло на борту «Гинденбурга» перед тем, как…

И тут включились тоннельные генераторы «Оберона».

Бортовой ИИ — искусственный интеллект — хронолета рассчитал и обнаружил количественную аномалию в гравитационном поле Земли. Особое вещество, помещенное в гондолах под днищем корабля, увеличило субатомные зазоры до такой степени, чтобы в образовавшуюся воронку мог пройти хронолет. Одновременно оно окружило устье воронки энергетическими полями, которые сделали тоннель стабильным во временном отношении. В считанные мгновения ограниченный участок пространства-времени свернулся, превратившись в нечто, отдаленно напоминающее четырехмерную катушку улитки — замкнутый времяподобный цикл. И хронолет, с неодолимой силой притягиваемый тоннелем, который он только что создал, ринулся в самый центр воронки.

Переход должен был пройти так же гладко, как отлет «Гинденбурга» из Франкфурта несколько дней назад. И поначалу казалось, что именно так все и будет.

Но в следующий момент что-то случилось. Словно огромная десница разгневанного Бога обрушилась на хронолет и отшвырнула его… неизвестно куда.

16 января 1998 года
Пятница, 10:26

Самолет оказался пятнадцатилетним «Гольфстримом-II» — реликтом той давно забытой эпохи, когда правительство еще могло позволить себе приобретать гражданские самолеты, произведенные в Соединенных Штатах. Внутри он, правда, выглядел не на пятнадцать, а только на десять лет, что обещало ощущения несколько более приятные, чем те, что довелось испытать Мерфи, когда он в последний раз летал на «Боинге-727». Тем не менее сиденья «Гольфстрима» были протерты чуть ли не до дыр, а надголовные шкафчики пестрели отпечатками грязных рук. Кроме того, когда самолет отрывался от взлетной полосы в аэропорту Далласа, он попал в какой-то воздушный поток, отчего фюзеляж отчетливо крякнул. Услышав этот пугающий звук, женщина, сидевшая через проход от Мерфи, принялась читать какое-то заклинание низким напряженным голосом.

Когда на высоте тридцати трех тысяч футов «Гольфстрим» наконец выровнялся и пилот погасил табло, предписывающее пассажирам пристегнуть ремни, в салоне появился армейский лейтенант в штатском. Он спросил, не желает ли кто-нибудь перекусить, прежде чем начнется инструктаж. Мерфи решил взять кофе и бублики с мягким сливочным сыром. Женщина через проход от него пожелала узнать, кошерные ли бублики, каково содержание холестерола в сыре и гватемальский ли кофе. Когда лейтенант вежливо ответил, что бублики попали на борт замороженными и что он не имеет ни малейшего представления ни о жирности сыра, ни о происхождении кофейных зерен, она раздраженно фыркнула и, потребовав горячий чай, долго изучала ярлычок, прежде чем опустить пакетик с заваркой в кружку с кипятком.

Всего на борту «Гольфстрима» было пятеро пассажиров, включая самого Мерфи. Разборчивая дама тоже работала в Управлении паранормальных исследований, но, как ее зовут, он не знал. Несколько раз Мерфи встречал ее в коридорах Управления и поэтому решил, что она трудится в другом секторе. Еще было двое военных в гражданских костюмах и человек из ФБР; как и Мерфи, он был одет в зимнюю куртку. Фэбээровец сидел в хвосте самолета и, переговариваясь с кем-то по телефону, работал на портативном компьютере. Когда Мерфи, следуя в туалет, прошел мимо него, он полуотвернулся и прикрыл трубку

рукой.

Это было странно, но Мерфи сразу забыл о случившемся, когда через полчаса после взлета старший из военных взял слово.

— Джентльмены и мадам, — сказал он, как только его помощник помог пассажирам развернуть кресла таким образом, что все они оказались обращены к столу, во главе которого стоял военный. — Позвольте мне прежде всего поблагодарить вас за то, что вы откликнулись на нашу просьбу и нашли возможность вылететь в эту командировку. Правительство высоко ценит вашу готовность исполнить свой долг; я, со своей стороны, надеюсь, что срочный вызов не нарушил ваших планов и не причинил вам ненужного беспокойства.

Потом военный назвал свое имя и чин — полковник Бэйрд Огилви из армейской разведки. Лейтенанта звали Скотт Кроуфорд. Имя фэбээровца было Рэй Санчес; его присутствие было необходимо главным образом для того, чтобы обеспечивать взаимодействие с местными властями и исполнять обязанности официального представителя правительства.

Полковник Огилви показался Мерфи достаточно приятным человеком — высокий седеющий джентльмен лет пятидесяти с небольшим, он держался подчеркнуто спокойно и доброжелательно, и его манеры можно было даже назвать светскими. Помощник был намного моложе; в его жестах и речи сквозило напряжение, однако, когда его представляли, он сумел выдавить из себя короткую улыбку. Санчес, с большой неохотой отложивший свой телефон, был нарочито сух и официален. Когда Огилви назвал его имя, он нахмурился, но ничего не сказал, и Мерфи сразу же решил держаться от этого типа как можно дальше. Большинство сотрудников Федерального бюро, которых он встречал, были вполне приличными ребятами, но Санчес явно смотрел слишком много фильмов со Стивеном Сигалом.

Потом Огилви представил самого Мерфи, назвав его главным уполномоченным дознавателем УПИ на время предстоящей миссии, и повернулся к раздражительной даме. Услышав, что ее зовут Мередит Синтия Луна, Мерфи невольно поднес ладонь к губам. Худая, с острым лисьим лицом и каштановыми волосами, завитыми и уложенными в высокую прическу, она была похожа на агента по продаже недвижимости, который однажды оставил привычный скепсис и узрел лик Бога в приготовленном на завтрак рогалике. Мередит Луна была известна Мерфи больше понаслышке: она была медиумом и работала в отделе Ясновидения. По слухам, ужиться с ней было сложно, и не мудрено — трудно поддерживать нормальные отношения с человеком, наделенным особым шестым чувством, с помощью

которого он поддерживает постоянную связь с другим измерением. Когда Огилви упомянул о ее эспер-способностях, Мередит Луна гордо выпрямилась, и Мерфи подумал, уж не собирается ли она продемонстрировать свои таланты, предсказав, что скоро они полетят над водой.

Не в первый раз Мерфи задавал себе вопрос, почему он вообще работает в Управлении паранормальных исследований, и каждый раз ему на ум приходили одни и те же причины. НАСА приказала долго жить, количество штатных должностей в Национальной научной организации сокращалось быстрее, чем поголовье горбатых китов, а в последнее время даже академические институты с большей охотой принимали на работу астрологов, а не астрофизиков. В таких условиях Мерфи мог только постараться, чтобы его голос был воплощением здравого смысла среди всех этих мастеров ходить по углям и гнуть взглядом столовые приборы. Компромисс был неизбежен, ибо каждый раз, когда он невольно задумывался о том, чтобы отказаться от должности и уйти, ему сразу вспоминались закладная на дом, которая будет висеть над ним, как дамоклов меч, пока он не выплатит последний взнос, и сын, которого нужно было отправить в колледж. В такие моменты Мерфи готов был благодарить Бога за то, что Карл Саган умер, и ему не нужно рассказывать своему старому преподавателю из университета, чем ему приходится зарабатывать на хлеб насущный.

Пока Огилви говорил, лейтенант Кроуфорд начал раздавать собравшимся голубые папочки с грифом «Строго конфиденциально» на обложке.

— В 6 часов 42 минуты по Восточному времени, — сказал полковник, — два истребителя Ф-15Ц с базы ВВС в Сьюэрте в окрестностях Нэшвилла совершали учебно-боевой полет над плато Камберленд. Находясь в шестидесяти восьми милях к юго-востоку от базы, они столкнулись с неопознанным летающим объектом.

Он заглянул в свою папочку.

— Оба истребителя шли на высоте тридцати тысяч пятисот футов. Неопознанный объект появился над ними, на высоте примерно сорока пяти тысяч футов и приблизительно в десяти — пятнадцати милях к востоку от местонахождения самолетов. Предположительно, НЛО только что вошел в атмосферу Земли и продолжал спускаться под острым углом, равным примерно сорока семи градусам; его скорость при этом больше чем вдвое превышала скорость звука. Несмотря на то, что ни на радарах истребителей, ни на локаторах гражданских служб управления воздушным движением НЛО так и не появился, оба пилота ясно

видели его.

Огилви перевернул страницу.

— Запросив разрешение с базы, летчики пошли на перехват объекта. Настигнув цель на высоте тридцати четырех тысяч футов, они получили возможность рассмотреть НЛО с близкого расстояния. Оба пилота описали его как диск около шестидесяти пяти футов в диаметре и двадцати футов толщиной — то есть размером примерно с их собственные машины. Ни реактивных двигателей, ни какой-либо иной силовой установки, которая бы приводила его в движение, летчики не заметили. На передней поверхности выступающей над корпусом НЛО рубки находилось единственное окно, или иллюминатор.

Мередит Синтия Луна подняла руку, и Огилви кивнул ей.

— Не видели ли ваши летчики пришельцев в кабине НЛО? — спросила она.

— Нет, мэм, пилоты не заметили ничего такого. Им приходилось прилагать значительные усилия, чтобы не отстать и не потерять цель.

— Не получали ли они каких-нибудь телепатических сообщений?

— Увы, мэм. Пилоты пытались связаться с НЛО по радио на низких и на высоких частотах, но не получили никакого ответа ни по радио, ни каким-либо иным способом.

Показалось ли Мерфи или полковник действительно изо всех сил старался сдержать улыбку?

— Но вы сказали — объект вошел в земную атмосферу под каким-то там углом?.. Это верно?

— Учитывая тот факт, что, когда НЛО был впервые замечен, он находился в верхних слоях атмосферы и продолжал снижаться со сверхзвуковой скоростью, можно с уверенностью предположить, что дело в действительности обстояло именно так, мэм, — вежливо ответил полковник, поднимая руку, чтобы предотвратить следующий вопрос. — Позвольте мне закончить изложение известных фактов, потом я отвечу на все ваши вопросы.

Мередит Луна промолчала, и Огилви снова сверился со своей папочкой.

— После того как пилотам не удалось установить радиосвязь с неопознанным летающим объектом, они сманеврировали таким образом, чтобы иметь возможность наблюдать его с близкого расстояния. К этому моменту НЛО успел затормозить до дозвуковой скорости и, достигнув высоты двадцать девять тысяч футов, начал выходить из пикирования. Тогда один из пилотов, капитан Генри Г. О'Донелл, занял позицию в семистах футах

слева от НЛО, а его напарник, капитан Лоренс Х. Байндер, попытался подлететь еще ближе, чтобы исследовать объект вблизи. Когда истребитель Байндера проходил под днищем объекта, во всех системах самолета неожиданно нарушилось электроснабжение.

— Нарушилось электроснабжение? — Мерфи поднял голову, и полковник выжидательно посмотрел в его сторону. — Вы хотите сказать, что его самолет перестал слушаться управления?

— Я хочу сказать, доктор Мерфи, что электропитание всех систем в истребителе Байндера неожиданно отключилось. Электронное оборудование, радиосвязь, силовая установка, радиотелеметрическая аппаратура, приводы рулей управления — все перестало функционировать. Как будто кто-то выдернул штепсель из розетки — так описывал это сам пилот. После этого его самолет вошел в плоский штопор, и ему пришлось катапультироваться из кабины вручную.

— Я слышала о таких случаях, — пробормотала Мередит Синтия Луна. — Когда во Флориде один полицейский столкнулся с кораблем инопланетян, в его машине тоже отключилось электричество.

— Полицейский успел катапультироваться? — с искренним интересом осведомился лейтенант Кроуфорд.

Мерфи зажал рот ладонью. Только бы не засмеяться, думал он. О, Боже, только бы не засмеяться! Потом он увидел, что Огилви смотрит в сторону и как-то странно кашляет в кулак, и от сердца у него немного отлегло. Похоже, на борту самолета он был не единственным здравомыслящим человеком.

— Ничего смешного нет! — пылая праведным гневом, воскликнула Мередит Луна, сильно покраснев. — Бедняга полицейский попал в серьезную переделку. Пришельцы держали его в плену целых двенадцать часов. — Она повернулась к полковнику. — Скажите, ваш пилот не испытывал ничего необычного, когда это произошло?

Мерфи придвинул к себе папку и нацарапал на обложке: «100 % потер. электр. у истреб. — электромагнитный импульс?».

Огилви пропустил вопрос Мередит Луны мимо ушей.

— Увидев, что его напарник потерял управление самолетом, после того, как подлетел слишком близко к объекту, капитан О'Донелл решил, что НЛО предпринял враждебные действия. В полном соответствии с действующими наставлениями ВВС о порядке ведения воздушного боя, он отпустил объект на тысячу футов, затем навел на него ракету-перехватчик воздушных целей «Сайдвиндер».

При этих словах полковника Луна пришла в ужас.

— О, нет! — воскликнула она. — Он не мог…

— Да, мэм, — возразил Огилви. — Еще раз попытавшись установить с объектом радиоконтакт, капитан О'Донелл выпустил ракету.

Время неизвестно

— Держись! — закричал Мец во всю силу легких.

Фрэнк едва успел схватиться за подлокотник пилотского кресла. Хронолет резко накренился набок. Пальцы Фрэнка сорвались, он полетел через всю рубку и, стукнувшись о переборку, сполз на пол.

— Они в нас попали? — крикнул он.

— Ракета сдетонировала на гравитационном поле. — Мец, пристегнутый к креслу, изо всех сил налегал на штурвал, стараясь выровнять хронолет и снова заставить его слушаться руля. Бросив взгляд на информационный экран, он добавил: — Нам повезло, корпус цел. Но мы продолжаем падать.

Не обращая внимания на боль в ушибленном плече, Фрэнк вскарабкался на четвереньки и пополз по наклонной палубе к креслу пилота. В последний момент перед вхождением в земную атмосферу Мец успел включить гравитационный защитный экран «Оберона». Если бы он этого не сделал, Фрэнка попросту размазало бы по стене.

Что ж, хоть тут им повезло, но этого было явно недостаточно. «Оберон» продолжал стремительно снижаться и находился уже на высоте девяти тысяч метров над землей. Они не знали ни где они находятся, ни *когда*, ни — что было еще более важно — как они сюда попали. Единственное, что было более или менее очевидно, — переходный тоннель отбросил их обратно к Земле. Все произошло так быстро, что негатрон хронолета потратил огромное количество энергии на то, чтобы погасить инерцию и обеспечить безопасное возвращение. Бортовой ИИ сумел стабилизировать полет ровно настолько, чтобы не дать экипажу изжариться живьем, однако для этого потребовалась почти вся энергия термоядерных батарей маленького разведчика.

В довершение всего не успел «Оберон» войти в земную атмосферу, как рядом откуда ни возьмись появились два современных самолета. Один из них по ошибке пролетел сквозь электромагнитное поле негатрона, в результате чего все электрические цепи истребителя оказались выведены из строя. К счастью, пилоту удалось спастись, однако его товарищ воспринял все происходящее как очевидную агрессию и открыл огонь.

— Ты можешь вытащить нас отсюда? — спросил Фрэнк, снова хватаясь за поручень пилотского кресла и вставая на колени. Мецу удалось выровнять «Оберон», и теперь палуба кренилась уже не так сильно. — Может быть, мы могли бы обогнать эту штуку?

— В любое другое время — пожалуйста, но не сейчас. — Продолжая удерживать штурвал одной рукой, Мец указал другой на какой-то прибор на панели. — Мощность двигателя упала до сорока семи процентов и продолжает уменьшаться. Защитное поле тоже становится слабее. Если самолет выпустит в нас еще одну ракету…

— Понятно. — Гравитационное поле спасло хронолет в первый раз, но рассчитывать, что точно так же им повезет в случае, если пилот выпустит еще одну ракету, не приходилось.

— А тоннельные генераторы? — спросил Фрэнк.

— Конечно, я мог бы открыть тоннель… — Мец свирепо оскалился, поочередно нажимая клавиши энергоблока в тщетной попытке направить двигателю как можно больше энергии. — Вот только в земле под нами появится кратер диаметром этак километров в восемьдесят. Уж тогда-то мировые линии точно перепутаются так, что никаких концов не найдешь!

— Ладно, согласен — я свалял дурака, — примирительно сказал фрэнк. Вопрос был действительно глупым; хронолеты не зря уходили в тоннель только с орбиты.

Потом его взгляд упал на обзорный экран. Самолет немного отстал, однако он по-прежнему следовал за «Обероном», в точности повторяя все его маневры.

— Леа? — позвал Фрэнк, включив микрофон, который захватил из пассажирского отсека. — Есть что-нибудь по самолету?

— Да, — раздался в наушнике ее голос. — Информационно-библиотечная система идентифицировала его как «Игл» Ф-15Ц, состоявший на вооружении ВВС США в конце двадцатого столетия. — Она принялась читать с экрана: — Это одноместный самолет, максимальная скорость — 2,5 М, потолок — 18228 метров, дальность полета — 5600 километров. Вооружение включает 20-миллиметровую скорострельную пушку и ракеты класса «воздух-воздух» и «воздух-земля»…

— Черт с ними, с ракетами! — перебил ее Фрэнк. — Скажи лучше, как нам оторваться от преследования.

— Господи, Фрэнк, откуда мне знать?!..

— Том, что у тебя? — сказал Мец в интерком, и Фрэнк с интересом прислушался. Когда он в последний раз видел Хофмана, главный специалист проекта стоял на коленях в пассажирском отсеке, по локоть запустив обе руки в подпалубную техническую нишу.

— Делаю, что могу! — донесся ответ Хофмана. — Я уже переключил гравитационную подсистему на негатрон, но никак не могу добраться до главной шины без… Черт!..

Палуба яростно подпрыгнула — это хронолет провалился в воздушную яму и снова накренился. Фрэнк слышал, что Хофман выругался — как он и говорил, гравитационный экран был выключен. Продолжая цепляться за поручень пилотского кресла, Фрэнк бросил быстрый взгляд на лобовой иллюминатор. Закрывавшие обзор перистые облака наконец-то расступились, и внизу появились пологие холмы, освещенные косыми лучами низкого рассветного солнца. Раскинувшееся под ними плоскогорье было испещрено пятнами света и тени и неправильной формы прямоугольниками полей, ферм, небольших поселков. Если Леа не ошиблась, сейчас они были где-то над Теннесси.

Потом Фрэнк увидел две протянувшиеся через холмы параллельные черные ленты и сообразил, что это, скорее всего, шоссе. Чуть дальше виднелась какая-то блестящая серебристо-голубая поверхность. Озеро, понял Фрэнк, большое озеро или водохранилище в форме неправильной многолучевой звезды. Его изломанная береговая линия тянулась на многие мили вдоль обступивших водоем возвышенностей.

— Долго не протянем, — озабоченно пробормотал Мец. — Я пытался оторваться от самолета, но ничего не вышло.

— Снижайся, — негромко подсказал Фрэнк.

— Что? — пилот сердито оглянулся на Фрэнка, потом, проследив за его взглядом, посмотрел на иллюминатор. — Здесь?..

— Да, прямо здесь. Маскировочный режим еще работает?

Мец бросил взгляд на индикаторы пульта.

— Сработает, если я дам ему десять процентов мощности. Но пока мы не сядем на землю, включать «хамелеон» бесполезно.

— Не на землю. На озеро. — Фрэнк вытянул руку и нажатием клавиши вызвал на экран увеличенное изображение раскинувшегося внизу водоема. Еще два нажатия, и на экране появилась его термограмма.

— Вот, смотри — это самое глубокое место, — промолвил Фрэнк, указывая на темно-синее пятно в самой широкой части озера. — Если ты сможешь приводниться здесь, мы уйдем под воду и надежно укроемся от самолета.

Глаза Меца испуганно округлились.

— Ты что, с ума сошел? — спросил он.

— Возможно. А у тебя есть лучшее предложение? Может, ты хочешь найти уютный маленький аэропорт и сесть там? В конце концов, мы всегда можем сказать местным жителям, что мы марсиане. — Он сердито мотнул головой в сторону экрана внешнего обзора. Истребитель продолжал преследовать их,

словно рассерженная пчела. — А еще мы можем подождать немного, чтобы наш дружок успел влепить в нас вторую ракету. Может, на этот раз ему повезет больше.

Взгляд Меца перебегал с иллюминатора на экраны внешнего обзора, а от них — на индикаторы состояния бортовых систем. Озеро, военный самолет, критическое состояние «Оберона» — таковы были три главных неизвестных в уравнении, которое, как ни решай, не сулило ничего, кроме проигрыша.

— Ладно, будем спускаться. — Мец переложил штурвал в сторону, и палуба снова накренилась, но на этот раз Фрэнк держался так крепко, словно от этого зависела его жизнь, и сумел устоять на ногах.

— Иди в свое кресло и пристегнись, как следует, — велел ему Мец. — Посадка на воду в любом случае вряд ли будет мягкой.

— Удачи тебе. Удачи нам всем… — Фрэнк хлопнул Василия по плечу и, выпустив из рук надежный поручень пилотского кресла, бросился прочь из командной рубки.

В коридоре он чуть не столкнулся с Леа. Она открыла было рот, чтобы что-то сказать, но Фрэнк втолкнул ее обратно в пассажирский отсек. Хофман на полу пытался встать на колени; инструменты из ремонтного комплекта раскатились по всем углам, и ему лишь ценой неимоверных усилий удалось снова закрыть лючок технической ниши.

— Что там происходит? — крикнул он. — Что, черт возьми, вы задумали?

— Будем садиться в озеро, — быстро предупредил его Фрэнк. — Держись крепче, посадка будет тяжелой!

В это мгновение последовал еще один резкий толчок, и Фрэнк головой вперед бросился в противоперегрузочное кресло. Каким-то чудом ему удалось застегнуть на себе поперечный ремень, прежде чем «Оберон» рванулся в другую сторону.

— Я маневрирую! — раздался в наушниках возбужденный голос Меца.

Леа схватила Фрэнка за ногу и крепко прижалась к нему; Фрэнк, в свою очередь, обнял Леа за плечи и напряг мускулы, пытаясь удержать ее на месте. Это ему удалось, но Хофмана с силой швырнуло о стену, и он, обмякнув, безвольно сполз на пол.

— Том! — Леа выпустила бедро Фрэнка и попыталась ползти к оглушенному Хофману.

— Назад! — рявкнул Фрэнк. — Пристегнись немедленно!

С этими словами он толкнул Леа в сторону ближайшего кресла.

Леа больно ударилась о сиденье, но, к счастью, упала на него, а не рядом. Плохо соображая от боли, она все же нашарила ремни

и попыталась застегнуть их на груди и животе.

Фрэнк бросил взгляд в сторону Тома. В данных обстоятельствах ему ничем нельзя было помочь. «Оберон», кувыркаясь, летел на половинной тяге, и Мец задействовал все энергетические резервы, чтобы аварийная посадка не превратилась в неуправляемое падение.

Леа, надежно пристегнувшись к креслу, что-то кричала Хофману, но он не отвечал; главный специалист проекта был в глубоком обмороке.

Фрэнк поглядел на информационный экран и почувствовал, как горло стиснуло от страха, а пальцы непроизвольно впились в поручни противоперегрузочного кресла. Голубовато-зеленая вода озера, покрытая мелкими рябинками волн, с головокружительной скоростью неслась в какой-нибудь сотне футов под ними. Далекие берега скалились желтоватыми обнажениями песчаника. Полотно моста промелькнуло в тридцати футах под днищем «Оберона», а они все снижались, снижались…

— Том, вставай! — снова закричала Леа во всю силу легких. — Очнись, Том! О Боже, мы сейчас…

И в этот момент хронолет врезался в воду.

11 часов 57 минут

С высоты, на которой летел вертолет ВВС, озеро Сентерхилл казалось серым и холодным. Стальные облака отражались в тусклой воде его многочисленных притоков и заливов, образовавшихся в том месте, где перегороженная противопаводковой дамбой река Кэни-Форк разлилась и затопила несколько глубоких долин. Впрочем, сейчас, в середине зимы, уровень воды в озере находился на самой нижней отметке.

Несколько минут спустя военно-транспортный вертолет «Блэкхок» опустился до двухсот футов и полетел между вершинами холмов и лесистыми гребнями, которые отзывались громким эхом на стрекот его турбин. Сидя в жестком кресле сразу за пилотской кабиной, Мерфи с любопытством рассматривал озеро. Несмотря на то, что прилегающие к нему холмы были довольно плотно застроены летними домиками, среди которых попадались настоящие особняки (зимой, правда, здесь почти никто не жил), вблизи береговой линии не было ни одного строения. За время перелета от базы ВВС в Сьюэрте полковник Огилви, который сам был родом из Теннесси, успел рассказать Мерфи, что специалисты армейского инженерно-саперного корпуса, воздвигшие противопаводковую дамбу в начале пятидесятых годов и продолжавшие следить за ней до сих пор, строго придерживались правил, согласно которым никто не имел права строиться ближе пятисот футов к берегу. Несколько эллингов для лодок были единственным исключением, защищаемым какой-то замшелой поправкой к упомянутым правилам, и большинство дачников, которые приезжали сюда на лето, держали свои лодки и катера у платных причалов, разбросанных по всему озеру. Возможно, эти правила казались слишком строгими зажиточным нэшвиллским врачам, адвокатам и звездам кантри-музыки, которые имели или хотели бы иметь здесь дома, однако именно благодаря им озеро Сентерхилл выглядело, пожалуй, самым «неокультуренным» из всех, которые Мерфи приходилось видеть.

Снова бросив взгляд вниз, на лесистые холмы, он подумал, сколько оленей мог бы завалить здесь за один охотничий сезон.

Тем временем вертолет в последний раз повернул, огибая выросший на его пути утес из светло-желтого песчаника, и впереди показалась главная акватория озера — широкое водное пространство, имевшее несколько миль в поперечнике. В самом узком, восточном его конце берега были соединены автомобильным мостом.

Вертолет опустился еще ниже и, слегка накренившись, начал поворачивать налево. Мерфи выглянул в окно и увидел небольшой залив, окаймленный чистеньким песчаным пляжем. Здесь была оборудована огороженная зона отдыха, служившая местным жителям площадкой для пикников, но сейчас на берег вторглась армия Соединенных Штатов. В самом центре пляжа стояла большая грязно-зеленая палатка и несколько оливкового цвета грузовиков, между которыми сновало десятка два фигур, одетых в полевую армейскую форму.

Мерфи ожидал, что вертолет сразу же пойдет на посадку, но он неожиданно снова отклонился к центру озера. Не успел Мэрфи спросить, в чем дело, как полковник Огилви, сидевший рядом с ним, отстегнул свой ремень и, перегнувшись через колени Мерфи, указал ему на что-то внизу.

— Вон там!.. — крикнул он. — Видите?

Сдвинув в сторону правую чашку своих звукозащитных наушников, Мерфи посмотрел туда, куда показывал полковник. Сначала он не видел ничего особенного, потом заметил крошечный островок, почти не превосходивший размерами самую маленькую из дач, выстроенных в окрестных лесах. Собственно говоря, это был даже не остров, а наносная песчаная коса; на ней росло несколько дубов, сумевших каким-то чудом уцелеть во время сезонных подъемов уровня воды в озере, однако Мерфи сомневался, что на этом островке мог бы жить кто-то, кроме диких уток.

Ничего странного или необычного он по-прежнему не видел — ничего, если не считать нескольких ярких пластмассовых буйков, которые покачивались на воде сбоку от острова, образуя незамкнутый круг.

— Что? Что там?! — заорал он в ответ, стараясь перекричать рев турбин. — Я ничего не вижу!

Мередит Синтия Луна сидела у противоположной стены кабины. Глаза ее были плотно закрыты. Глубоко дыша через нос, она поигрывала двумя амулетами, которые носили название энергетических камней. Один камень был связан с бабочкой и служил источником душевного равновесия и изящества мысли. Второй был посвящен броненосцу и должен был обеспечить своей хозяйке защиту и безопасность. Похоже, однако, что против воздушной болезни эти раскрашенные камешки не помогали, поскольку с тех пор, как «Блэкхок» оторвался от взлетной полосы на Сьюэртской авиабазе, Мередит Луну уже однажды стошнило, и лейтенант Кроуфорд всю дорогу просидел рядом с ясновидящей, держа наготове гигиенический пакет. Как ни удивительно, прическа Мередит Луны нисколько не пострадала.

— Я тоже ничего не вижу! — прокричал агент Санчес, прильнув к соседнему блистеру. — На что вы смотрите?

— Нужно смотреть с более близкого расстояния! — Огилви ткнул пальцем в песчаную косу. — Видите, там, слева, берег немного не такой? Как в кривом зеркале.

Мерфи пристальнее вгляделся в очертания косы. Теперь, когда полковник сказал, в чем дело, он тоже увидел какой-то странный серебристый полукруг, который просвечивал сквозь мелкую воду на ограниченном буйками участке. С первого взгляда рассмотреть его было невероятно трудно; он почти сливался с водой и песчаным берегом, но, когда вертолет слегка развернулся и прошел прямо над странным объектом, Мерфи неожиданно увидел, как его тень слегка выросла и тут же снова съежилась, словно упала на какую-то невидимую выпуклую поверхность.

— Вот он! — выкрикнул Огилви. — Вот он, распроклятый сукин сын!

— Но как он это делает?

— Будь я проклят, если знаю. Для этого мы вас и вызвали. — Огилви вытянул вперед руку и потрогал пилота вертолета за плечо. — О'кей, командир, давай спускаться. Нас ждет работа!

Мелкий белый песок вихрем взлетел вверх, когда «Блэкхок» опустился на наклонный слип для лодок на берегу уютного заливчика. Выждав, пока все пассажиры выгрузятся, летчик снова поднял тяжелую машину в воздух.

Когда песок осел, Мерфи сошел на берег и огляделся. Пляж буквально кишел солдатами, и у каждого на рукаве, прямо над дивизионным значком, был нашит черный шеврон. Это был спецназ 101-й парашютно-десантной дивизии из форта Кэмпбелл в Кентукки. Все солдаты были в касках и носили на поясе штык-нож или пистолет, а у некоторых висела за плечами автоматическая винтовка М-16. Несколько рейнджеров, ловко орудуя саперными лопатками, наполняли песком брезентовые мешки; остальные относили их на берег, чтобы обкладывать наскоро выкопанные в песке одиночные стрелковые ячейки. В одной из них Мерфи увидел зачехленный крупнокалиберный пулемет. Судя по всему, военные не склонны были рисковать, играя с неизвестной опасностью.

Тем временем к Огилви подбежал лейтенант в полевой форме. Отдав полковнику честь, он о чем-то заговорил с ним, но слов Мерфи разобрать не мог. Рэй Санчес сразу же направился к столу, где какие-то два типа в штатском разложили топографические карты. Фэбээровец уже успел связаться с местной полицией и распорядиться, чтобы они перерезали

ведущие к озеру дороги под предлогом того, что здесь-де потерпел аварию сверхсекретный экспериментальный самолет. Мередит Синтия Луна неловко подковыляла к соседнему столу и села возле него на песок, наклонив голову к самым коленям.

Все это заставило Мерфи почувствовать себя ненужным. Никто не обращал на него внимания, и он медленно пошел к берегу, хрустя по песку своими мотоциклетными ботинками. Он прошел мимо грузовиков, мимо солдат, мимо фэбээровцев и стрелковых ячеек и остановился только у самой кромки воды. Теперь между ним и таинственным песчаным островом, ясно видимым вдалеке благодаря росшим на нем дубам, не было ничего, кроме полумили открытой воды, однако потерпевший крушение неопознанный летающий объект по-прежнему оставался скрыт от глаз. На его местонахождение указывали только яркие буйки, слегка покачивавшиеся на волнах.

Интересно, каким образом пришельцам удалось так замаскировать свой корабль, подумал Мерфи. Может быть, это какое-то особенное силовое поле? Весьма вероятно, учитывая, что случилось с истребителем, имевшим неосторожность подлететь к НЛО слишком близко. Пилот второго Ф-15 утверждал, что пущенная им ракета взорвалась до того, как достигла цели. Он также сказал, что на подлете к озеру НЛО практически исчез из вида, и он смог продолжать преследование только потому, что ясно видел на воде его тень. В последний раз «летающее блюдце» показалось пилоту, только когда запрыгало по поверхности озера, наподобие пущенной умелой рукой гальке, но это продолжалось очень недолго. В конце концов, НЛО налетел на остров, опустился на грунт и снова исчез из вида.

Значит, решил Мерфи, все-таки это оказалось защитное поле и, возможно, оно не было абсолютно непробиваемым. Оно успешно противостояло кинетической энергии — например, кинетической энергии нацеленной на НЛО ракеты, но не сумело справиться с инертным препятствием…

— Увидели что-нибудь интересное, доктор Мерфи?

Голос полковника Огилви, неожиданно раздавшийся за его спиной, заставил Мерфи обернуться так резко, что в какой-то момент он чуть было не потерял равновесие и не упал.

— Вот черт!.. — вырвалось у него. — Пожалуйста, не делайте так больше. Вы…

— Извините. — В глазах полковника промелькнула легкая насмешка. — Я не хотел вас пугать.

— Вы и не испугали. — «Разве только чуть-чуть», — подумал Мерфи и, слегка переведя дух, мотнул головой в сторону песчаного островка.

— Я просто пытался сообразить, как… Как они это делают?

— Этого никто не знает, — спокойно сказал полковник, показывая на две надувные резиновые лодки, лежавшие на песке чуть дальше по берегу. — Примерно полчаса назад шесть человек отправились туда на веслах на рекогносцировку. Они приблизились к острову футов на тридцать, но не смогли разглядеть ничего, кроме этого странного серебрения, которое мы наблюдали с воздуха.

— А они не пытались?..

— Нет. У них был строгий приказ: разведать обстановку и выставить буйки. Правда, один из солдат говорит, что его весло будто бы наткнулось под водой на какую-то твердую гладкую поверхность, но ничего странного они так и не увидели. Как бы там ни было, это напугало их, и они возвратились.

Твердая гладкая невидимая поверхность на небольшой глубине…

— Насколько там глубоко? — спросил Мерфи. — Я имею в виду — около острова.

— Максимальная глубина озера — около пятидесяти футов. На отмели, там, где побывали разведчики, футов десять — пятнадцать. У береговой линии — не больше пяти футов.

Проклятье, подумал Мерфи. Разведчики были совсем рядом, они могли бы дотронуться до «летающего блюдца», если бы захотели, но даже на таком расстоянии не сумели ничего разглядеть.

— До постройки дамбы, — продолжал Огилви, — здесь был обычный сельскохозяйственный район, так что остров, возможно, просто вершина небольшого холма. Если бы сукин сын не налетел на него, он мог бы уйти глубоко под воду.

— Именно этого и добивался пилот НЛО?

— Не исключено. Вот только зачем?

— Но ведь его преследовал истребитель, так что… — Мерфи пожал плечами. — Нет, не знаю. Пожалуй, следует подумать над этим. Когда у меня появятся какие-то соображения, я вам обязательно сообщу.

Огилви кивнул и некоторое время молчал.

— Знаете, доктор Мерфи, — сказал он наконец, — у вас, похоже, котелок варит, хотя вы и из УПИ.

— Что вы имеете в виду, полковник? — осторожно поинтересовался Мерфи.

— Зовите меня просто Бэйрд.

— А меня — Зак.

— Хорошо, Зак… — Они пожали друг другу руки. — Вы ведь нормальный ученый, верно?

Нормальный ученый… Как будто бывают нормальные ученые!..

— Я астрофизик, если вы об этом спрашиваете.

— Похоже, я в вас не ошибся, Зак. Вы не строите предположения, а задаете вопросы. Вы не торопитесь с выводами и не подгоняете факты к теории, которая вас больше всего устраивает в данный момент. А взгляните, к примеру, на мисс Мередит…

Он не договорил, но отступил в сторону, как бы приглашая Мерфи самому вынести суждение. Мередит Синтия Луна уже вполне оправилась после перелета и, взгромоздившись на стол для пикников, села в позу «лотоса»: ладони покоились у нее на коленях, голова была откинута далеко назад, глаза закрыты. Несколько солдат даже остановилось, чтобы поглазеть на нее, но проходивший мимо офицер приказал им вернуться к работе.

— Я спросил, что это она делает, — вполголоса пояснил Огилви. — И она ответила, что пытается войти в *единение.* Даже не в контакт, а именно в единение…

В единение, подумал Мерфи. Значит, она еще и последовательница Шрайбера… Боже, только этого не хватало!

— Она не из моего отдела, — сказал он сухо. — Если ей что-то понадобится, дайте ей это. Мне совершенно все равно, что она делает, только держите ее от меня подальше.

— Значит, вы не думаете, что она может чем-то нам…

— …помочь? Вряд ли. Но и избавить вас от нее я тоже не могу.

— Я примерно так и подумал. — Огилви немного помолчал, потом снова заговорил, на этот раз совсем тихим голосом:

— Откровенно говоря, мои люди относятся к вам, гражданским специалистам из УПИ, без особого уважения. Таких, как вы, мы обычно называем между собой «попрыгунчиками», однако у вас, Зак, неплохая репутация. По слухам, вы один из самых надежных парней во всем Управлении. Если вам кажется, что вы понимаете, что к чему…

— Я польщен, Бэйрд, но это не так.

— Видите ли, для нас всех такие дела в новинку, и вы наш единственный эксперт в подобных вопросах. — Огилви глубоко вдохнул. — Покуда мы будем действовать сообща, все будет нормально. Агент Санчес со своими коллегами уже решают, как сделать так, чтобы сохранить это происшествие в тайне как можно дольше. Пока нам везло: никто не видел, как эта штука спускалась, и полиция успела блокировать район, но шила в мешке не утаишь. Очень скоро о появлении НЛО пронюхают зеваки и корреспонденты, и тогда…

— Как скоро?

— Через шесть — двенадцать часов, максимум — через сутки, так что времени у нас мало. Я уже давно мог бы вызвать сюда дополнительные силы со специальным оборудованием, но прежде нам надо узнать, с чем мы имеем дело. Как вы думаете, доктор Мерфи, вам удастся это выяснить?

Интонация Огилви была вопросительной, но Мерфи хорошо понимал, что, по сути дела, это никакой не вопрос. И у полковника, и у него самого было свое начальство, перед которым придется держать ответ, а начальство, как известно, не любит слышать «нет».

— Да, я смогу это сделать, — ответил Мерфи.

Время неизвестно

— Прости, Том…

Фрэнк бережно сложил руки Хофмана на груди, потом накрыл тело простыней. Еще несколько мгновений он молча стоял рядом с ним на коленях, потом встал и, осторожно ступая по сильно наклоненной палубе, поднялся к двери пассажирского отсека.

Он только что вышел в коридор, когда раздался какой-то тупой удар. Фрэнку показалось, что стучат снаружи, и он, напряженно прислушиваясь, на мгновение замер у переборки, но удар не повторился.

Он стоял в коридоре до тех пор, пока из командной рубки не раздался голос Меца.

— Эй, Фрэнк! Иди сюда! У нас тут проблема.

Если бы одна, не без горечи подумал Фрэнк и стал пробираться по темному коридору к люку командной рубки. Люк был открыт, но палуба так сильно накренилась, что Фрэнку пришлось опуститься на четвереньки, чтобы пробраться внутрь.

Мец, сидевший в пилотском кресле, казался тенью на фоне неярких ламп аварийного освещения. Большинство экранов работали в информационном режиме, сообщая о повреждениях, и только один показывал, что происходит за пределами корабля.

— О Боже!.. — вырвалось у Фрэнка. — Откуда они взялись?

На экране он увидел трех солдат, подплывших к «Оберону» на небольшой резиновой лодке. Один из них держал в руках древнего вида винтовку, второй водил из стороны в сторону старомодной видеокамерой, третий осторожно греб длинным пластмассовым веслом. Первые двое то и дело оборачивались на гребца, который испуганно всматривался в воду под лодкой.

— Я не видел, как они подплыли, — сообщил Мец шепотом, словно боясь, что солдаты могут его услышать. — Я чинил одну штуку под пультом и не знал, что они здесь.

— Я кое-что слышал, — кивнул Фрэнк. — Лодка прошла над затопленным краем «Оберона», и гребец, должно быть, задел корпус веслом. Маскировочный режим включен?

Мец бросил быстрый взгляд на один из экранов.

— Пока работает. Они нас не видят, но если им придет в голову подойти вплотную…

Он не договорил, но все было ясно и без слов. Солдаты *знали*, что хронолет находится здесь. Первые грузовики появились на песчаном берегу меньше чем через час после того, как «Оберон» совершил вынужденную посадку, и хотя режим «хамелеон»

хорошо скрывал хронолет от их глаз и аппаратуры, все же неясные очертания его корпуса вполне можно было различить, если смотреть под определенным углом при ярком полуденном свете. Несколько раз над островом пролетали вертолеты, еще никогда обитатели этой эпохи не подбирались к хронолету так опасно близко.

К счастью, диафрагма входного шлюза оказалась под водой. В данный момент она была прямо под надувной лодкой, и найти ее без аквалангистов было весьма затруднительно. Впрочем, если судить по бурной деятельности на берегу, появления ныряльщиков следовало ожидать в самое ближайшее время.

Фрэнк и Мец молча смотрели, как солдаты в лодке сделали еще несколько кадров — с такого близкого расстояния, словно они снимали свои собственные искаженные тени — а потом поспешно уплыли. Когда они удалились на порядочное расстояние, Мец шумно выдохнул.

— Они попали почти в яблочко, — проговорил он нормальным голосом. — Это даже хуже, чем в Далласе.

— Гораздо хуже, — сказал Фрэнк, впрочем, без тени упрека. Обвинения были бессмысленны: что бы ни случилось в 1937 году, положение экспедиции было отчаянным. Том Хофман — главный специалист проекта — был мертв, он сломал шею во время первого удара «Оберона» о воду. Сам хронолет оказался на земле, и было неизвестно, какие он получил повреждения и сможет ли снова подняться в воздух. Кроме того, обитатели этой исторической эпохи засекли место посадки «Оберона», и они, увы, были вполне цивилизованными людьми, а не троглодитами, способными зафиксировать появление хронолета лишь в расплывчатых легендах и таинственных наскальных рисунках.

Да, это последнее обстоятельство было, пожалуй, хуже всего. Конец двадцатого столетия всегда считался самым опасным периодом человеческой истории.

— Они напуганы, но они вернутся. — Фрэнк подобрался поближе к пульту управления, чтобы взглянуть на экраны. — Как наши дела?

— Тебе какую новость сначала, хорошую или?.. — Мец осекся, перехватив напряженный взгляд Фрэнка. — Извини. Я проверяю всю систему, вплоть до главной силовой установки. Она по-прежнему в аварийном состоянии, но ИИ сумел найти, в чем там дело. Повреждена главная энергетическая шина, придется заменить с полдюжины распределительных ячеек. Я перепрограммировал несколько ремонтных устройств на ликвидацию последствий аварии; они уже работают, так что через час или около того все должно быть готово. Резервные системы,

однако, в полном порядке, так что…

Фрэнк нетерпеливо постучал пальцем по пульту, и Мец вернулся к главному.

— Гондолы негатронов целы, и отремонтировать главный движитель будет довольно просто; правда, решетка модулятора затоплена, но она начнет нормально функционировать минимум через шестьдесят секунд после того, как мы поднимемся в воздух.

— Слало быть, мы можем выбраться отсюда, верно?

Мец не ответил.

— Ну же, говори, — поторопил его Фрэнк. — Можем или не можем? Что нам мешает?

— Два обстоятельства. О первом ты уже знаешь — силовая установка дает лишь пятнадцать процентов нормальной мощности: этого едва хватает, чтобы поддерживать работу искусственного интеллекта и маскировочный режим. Я поставил ядерные синтез-батареи на полную перезарядку; к счастью, необходимый нам водород мы можем выделить из воды… — Он улыбнулся. — В этом смысле посадка в озеро имеет свои преимущества. По расчетам ИИ, мы сможем подняться в воздух часов через шесть, если все пойдет нормально. Даже раньше, если будем экономить внутренние энергетические резервы.

— Ты имеешь в виду выход на низкую орбиту и открытие переходного тоннеля? — спросил Фрэнк, и Мец кивнул, но его лицо оставалось мрачным. Фрэнку даже показалось, что пилот внутренне напрягся, стараясь держать свои чувства в узде.

— А что это за второе обстоятельство, о котором ты говорил?

Мец вздохнул.

— Мы не знаем, *когда* мы. Где — более или менее известно. ИИ рассчитал наши координаты незадолго до падения. Мы находимся в Теннесси, на плато Камберленд, в озере Сентерхилл… точные данные о широте и долготе хранятся в банке памяти бортовой навигационной системы. И, судя по тому, что мы до сих пор видели, это конец двадцатого столетия, скорее, даже 90-е годы. Но вот точнее…

— То есть, какой сейчас год?..

— …я не знаю. — Мец покачал головой. — В этом-то и заключается самая главная проблема. Основной приемник телеметрической информации не работает, так что мы не можем задействовать внешние источники. Даже сейчас мы не можем подключиться к местным информационным сетям. Я мог бы попытаться сделать это до аварии, но у меня не было такой возможности…

— Понимаю…

В критических обстоятельствах Мец действовал практически

безупречно. Он сделал все, что было в его силах, чтобы спасти экипаж и благополучно посадить хронолет на землю. Увы, без точной даты бортовой ИИ «Оберона» не мог правильно рассчитать траекторию возврата к воронке тоннеля; приближенные данные тоже не годились — ИИ должен был знать предельно точно, где и *когда* находится хронолет. Пространственные координаты были вычислены им без труда, но временные оставались неизвестны, и, следовательно, в алгоритме четырехмерного перехода недоставало самой важной компоненты.

— Извини, Фрэнк, — проговорил Мец, и в голосе пилота впервые не прозвучало ноток самоуверенности. — Мне очень хотелось бы порадовать тебя лучшими новостями, но…

— Как ты думаешь, что могло вызвать этот парадокс, эту аномалию? — спросил Фрэнк.

— Леа пытается это выяснить. Если хочешь, попробуй ей помочь. — С этими словами пилот снова повернулся к пульту управления и не поднимал головы до тех пор, пока Фрэнк не покинул командную рубку.

Фрэнк нашел Леа в библиотеке. Она просматривала кадры, запечатленные «наблюдателями» на борту «Гинденбурга». Как и Фрэнк, Леа потратила несколько минут на то, чтобы смыть нанокожу, и теперь снова выглядела так, как обычно. Длинные черные волосы Леа были собраны в тугой конский хвост, падавший на широкие плечи. Стоя у консоли счетно-решающего устройства, она даже не обернулась, когда Фрэнк вошел в аппаратную.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил он.

— Да, пожалуй, — откликнулась Леа. — Кажется, я нашла точку дивергенции.

Фрэнк оперся на консоль, и Леа набрала на клавиатуре команду.

— Материала было слишком много, поэтому я сосредоточилась на последних трех часах перед посадкой. «Гинденбург» был бы над Лейкхэрстом уже часа в четыре, но ему пришлось долго маневрировать из-за порывистого ветра и высоких кучевых облаков.

— Да-да, я помню.

— Мы долго летели на юг вдоль побережья Нью-Джерси, чтобы обойти грозовой фронт. Согласно историческим записям, через полтора часа такого полета капитан Прусс получил с аэродрома телеграмму, в которой говорилось, что погодные условия остаются неблагоприятными и ему следует подождать с посадкой. Капитан Прусс ответил, что он не подойдет к Лейкхэрсту, пока ему не дадут с земли разрешение. Эта

телеграмма была отправлена в 17 часов 35 минут по местному времени. А теперь — смотри…

Леа нажала на клавиатуре кнопку «воспроизведение», и на настенном экране появилось изображение просторных внутренних помещений «Гинденбурга». Фрэнк сразу понял, с какой камеры производилась съемка: на экране был металлический мостик под отсеком № 4, где они установили «наблюдатель» во время экскурсии по кораблю. Цифры в нижнем углу экрана показывали 06.05.1937/17:41:29, когда на мостках появилась одинокая фигура в мешковатой одежде. У подножия ведущего наверх трапа человек ненадолго задержался, чтобы оглядеться по сторонам, и на мгновение его лицо попало в поле зрения камеры. Это был Эрик Шпель — матрос воздушного судна, заложивший в газовом отсеке бомбу.

Шпель поднялся по трапу наверх и пропал из вида.

— Он отсутствовал примерно шесть минут, — сказала Леа, нажимая кнопки на клавиатуре, чтобы пропустить эту часть записи. — Смотри.

В 17 часов 47 минут Шпель снова появился на трапе. Спустившись на мостки, он еще раз огляделся по сторонам и, удостоверившись, что его никто не видел, пошел по направлению к носу дирижабля.

— Я просмотрела запись с этой камеры до самого конца, — проговорила Леа. — Я видела все, что происходило у отсека № 4 до посадки и после посадки. Эрик Шпель больше не возвращался.

— Будь я проклят, если он не приходил сюда, чтобы переставить таймер!

— Верно, Фрэнк. Да, он перевел время. И сделал это вскоре после того, как капитан Прусс во второй раз отложил посадку.

— Но почему он не сделал этого раньше? — Фрэнк задумчиво потер подбородок. Ощущать под пальцами свою собственную плоть, а не опостылевшую нанокожу было приятно. — Почему он так неожиданно передумал?

Леа негромко вздохнула.

— Может быть, твоя догадка верна. Возможно, Эрик действительно вспомнил женщину, с которой он столкнулся за день до того на этом самом месте. — Леа показала на пустые мостки. — Он подумал и решил, что не может взять на себя ответственность за ее смерть. Поэтому он вернулся назад и перевел стрелки таким образом, чтобы взрывное устройство сработало не раньше восьми часов вечера. Он был уверен, что к этому времени «Гинденбург» успеет благополучно пришвартоваться, и все пассажиры сойдут.

Фрэнку хотелось успокоить ее, сказать, что она напрасно

обвиняет в случившемся себя. Материал, заснятый миниатюрными камерами, не мог служить неопровержимым доказательством вины Леа — он был убежден в этом. Фрэнк просто не мог поверить, что история изменилась только потому, что они двое оказались на борту «Гинденбурга».

— Ты хочешь сказать, что мы с тобой создали альтернативную темпоральную линию?

— Да. Дирижабль в конечном итоге все равно был уничтожен, но на этот раз движение Сопротивления сумело извлечь выгоду из того, что сделал Шпель.

— Мы слышали это по радио. Но какое значение это может иметь?

— Это вопрос… — Леа печально побарабанила пальцами по консоли. — Давай примем в качестве исходной предпосылки, что Шпель добился того, чего хотел. «Гинденбург» был символом могущества нацистов, и его уничтожение могло послужить сигналом к началу массовой оппозиционной кампании, которая, в конце концов, привела к тому, что Гитлер был отстранен от власти. Не исключено также, что удалось одно из многочисленных покушений на диктатора…

— Не слишком ли много предположений? — перебил Фрэнк.

— Возможно, но… — Леа немного поколебалась. — Есть еще одно… Это очень незначительная деталь, но все же…

— Давай выкладывай.

Леа повернулась к клавиатуре и набрала еще несколько команд.

— Помнишь те самолеты, которые преследовали нас после того, как «Оберон» вошел в земную атмосферу? Они вели переговоры по радио…

Фрэнк удивленно приподнял брови, но промолчал.

— Я просмотрела аудио-, видеозаписи, которые сделал наш внешний полетный регистратор, потом ввела данные в библиотечную систему и заставила ее проследить исторические источники. Вот что я получила…

Два самолета появились на настенном экране в виде двух точек, оставляющих за собой длинный инверсионный след. (Фрэнк сразу обратил внимание, что в нижней части экрана не было цифр, обозначающих дату.) Когда точки приблизились к камере, в динамиках зазвучал голос пилота, перебиваемый громкими всплесками статических разрядов:

«Росомаха-Один — Сьюэртской Башне, подтверждаем наличие воздушной цели в квадрате…»

Леа остановила воспроизведение и несколько раз нажала пальцем на сенсорную панель. Когда над ближайшим из двух

самолетов появился небольшой прямоугольник, она увеличила изображение в несколько сот раз. На экране открылось прямоугольное окно-вставка, в котором во всех подробностях был показан преследовавший «Оберон» истребитель.

Еще несколько нажатий, и рядом с фотографией появилось схематическое комбинированное изображение.

— Справочно-библиотечная система уверенно опознала этот летательный аппарат как «Игл» Ф-15Ц, — продолжала Леа. — Этот одноместный истребитель-перехватчик состоял на вооружении Военно-воздушных сил США с конца семидесятых вплоть до начала девяностых годов, когда его заменила более совершенная двухместная модификация Ф-15Е. Мы знаем, что нас преследовали именно Ф-15Ц, потому что из кабины истребителя, пролетевшего сквозь рабочее поле негатрона, катапультировался только один пилот.

— Ну и что?

— Из радиопереговоров пилотов я узнала, что их наземная база называется Сьюэртская Башня. Я проверила эти данные по библиотеке и выяснила, что база ВВС США в Сьюэрте была ликвидирована в конце шестидесятых. Ее вообще не должно существовать, не говоря уже о том, что на ней не могут быть размещены самолеты, принятые на вооружение десять лет спустя.

Фрэнк долго и пристально рассматривал изображение на экране.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — Ты меня убедила. Значит, мы находимся на альтернативной мировой линии.

— На альтернативной мировой линии, которую мы сами непреднамеренно создали, — поправила его Леа. — И когда мы попытались вернуться из 1937 года в наше собственное время, то наткнулись на разрыв пространства-времени… на расходящуюся петлю замкнутого времяподобного цикла. Нам еще повезло, что нас не уничтожило на месте. Вместо этого нас выбросило сюда…

— В параллельную вселенную, — сказал позади них Мец.

Леа и Фрэнк дружно обернулись и увидели, что пилот стоит у входа, опираясь спиной на диафрагму входного дюка. Они не знали, как давно он вошел; не исключено, что он слышал весь их разговор от начала до конца. Ну и хорошо, подумал Фрэнк. По крайней мере, им не надо объяснять ему все, что удалось узнать Леа.

Мец поднял руку.

— Не надо ничего говорить, — сказал он. — Я знаю, это была моя ошибка. Если бы мы немного задержались в тридцать седьмом и все как следует проанализировали, то, возможно, сумели бы избежать неприятной ситуации, в которой сейчас

оказались. Это я виноват — я все испортил…

— Нет, Василий, мы все виноваты. — Опираясь на консоль, Леа повернулась к нему. — Существование парадоксов, подобных этому, предсказано уже давно, просто предыдущим экспедициям повезло больше, чем нам. Глупо полагать, что везение будет продолжаться вечно.

— Забудь об этом, — сказал Фрэнк. — Сейчас главное выяснить, как нам выбраться отсюда.

Некоторое время все молчали.

— В первую очередь, — проговорила наконец Леа, — нам надо узнать, в каком мы сейчас времени.

15 часов 00 минут

Когда рейнджеры навестили место крушения «летающей тарелки» во второй раз, они высадились на песчаный островок с противоположной стороны и приблизились к месту падения НЛО по суше. На сей раз разведчики отправились в путь на двух надувных лодках, в каждой из которых помещалось по четыре человека. Солдаты старались грести как можно тише, окуная весла в воду так, чтобы не вызвать на поверхности ни малейшей ряби. На протяжении всего путешествия они соблюдали полнейшую тишину; ни один из них не проронил ни слова, объясняясь с товарищами знаками, если возникала такая необходимость. Все солдаты были вооружены; двое взяли с собой фотоаппараты и универсальные видеокамеры. Ответственным за операцию полковник Огилви назначил лейтенанта Кроуфорда; Мерфи отправился с разведчиками в качестве гражданского эксперта-консультанта.

Как и следовало ожидать, Мередит Синтия Луна тоже не захотела оставаться в стороне. После двух часов сосредоточенной медитации она заявила, что внутри неопознанного летающего объекта находятся пришельцы с планеты, расположенной где-то в самом сердце Крабовидной туманности. На Землю они прибыли для того, чтобы на рубеже третьего тысячелетия пригласить землян стать членами Галактической федерации.

Полковник Огилви внимательно выслушал ее, потом вручил ей автоматическую винтовку и вежливо осведомился, не нужно ли уважаемой мисс Мередит освежить в памяти основные правила обращения с оружием. Это был очень хороший план. Мередит Луна отшвырнула незаряженную винтовку с таким негодующим видом, словно это был не-прожаренный бифштекс, и вопрос, таким образом, оказался решен окончательно и бесповоротно, хотя Луна и пыталась настаивать, что приближаться с оружием к мирным посланникам далекой планетной системы будет, по меньшей мере, недостойно.

Путь длиной в полмили показался Мерфи удивительно долгим, но наконец он почувствовал, как резиновая лодка зашуршала по песчаному дну отмели в нескольких футах от островка. Лейтенант Кроуфорд молча показал рукой вперед, потом сжал пальцы в кулак и дважды опустил его, словно заколачивал гвозди. Двое солдат, сидевших возле бортов, с едва слышным плеском выпрыгнули в ледяную воду и, схватив лодку за расчалки, вытащили ее на берег. Вторая лодка причалила к острову футов на двадцать левее. Держа оружие на изготовку,

солдаты шли, низко пригнувшись, и производили так мало шума, что не потревожили даже парочку диких уток, устроившуюся в высокой траве на гребне косы.

Как только спецназовцы заняли позицию за стволами двух самых толстых дубов, Кроуфорд махнул рукой Мерфи, показывая, что он тоже может выбраться из лодки.

Островок был замусорен пивными жестянками, выброшенными прибоем бумажными пакетами и клубками спутанной рыболовной лески. На камнях между дубами чернел выжженный круг — это был след костра, разведенного здесь какими-то бездельниками. Кора обоих дубов была сплошь изрезана инициалами, а когда Мерфи встал на колени за стволом одного из них, ему в ногу врезалось что-то острое. Опустив взгляд, он увидел крошечную руку, тянувшуюся к нему из земли. Взяв ее двумя пальцами, Мерфи вытащил на свет божий облепленную песком фигурку Дарта Вейдера — знаменитого персонажа «Звездных войн». Видимо, прошлым летом его забыл здесь какой-то ребенок.

Ирония была очевидна. Улыбнувшись, Мерфи спрятал игрушку в нагрудный карман зимней куртки — Стив будет рад такому подарку.

Позиция за деревьями была достаточно надежной, но отсюда было довольно трудно разглядеть, что творится на противоположном конце острова. Во всяком случае, ничего, что было бы похоже на космический корабль, прибывший на Землю из далекой Крабовидной туманности или откуда-нибудь еще, Мерфи не наблюдал. Стоило, однако, вглядеться попристальнее, как начало казаться, что береговая линия выглядит как-то не так и высокое полуденное солнце отбрасывает на прибрежный песок какие-то странные, искаженные тени. Ах, если бы он только мог подобраться поближе!..

Повернув голову, Мерфи посмотрел сначала в одну сторону, потом в другую. Спецназовцы лежали на животах слева и справа от него, напряженно глядя в прицелы автоматических винтовок, словно ожидая, что из воды вот-вот выскочит какое-нибудь ревущее плотоядное чудовище, подобное тем, которые были так популярны в фантастике пятидесятых годов.

К Мерфи бесшумно приблизился лейтенант Кроуфорд. Тронув его сзади за плечо и показав рукой на дальний берег островка, он сделал движение к земле выпрямленной ладонью. Мерфи раздраженно покосился на него. Чего он от него хочет? Неужели он должен ползти по-пластунски через весь остров?

— Нет, — вслух сказал Мерфи. — Это глупо.

И прежде чем лейтенант сумел ему помешать, он выпрямился

во весь рост и пошел туда, где были такие странные тени.

— Мерфи!.. Назад! — зашипел лейтенант, рейнджеры в растерянности повернулись в его сторону, но он не остановился. Продолжая идти вперед ровным, неторопливым шагом, он поднял руки на высоту плеч, показывая пустые ладони. Сердце отчаянно стучало в груди, куртка неожиданно стала не по погоде теплой, и Мерфи неожиданно задумался о том, действительно ли это была такая уж удачная идея. Но отступать было поздно; если он вернется сейчас, Кроуфорд, скорее всего, прикажет своим людям связать его по рукам и ногам, как барана, и в таком виде отправит обратно в лагерь. Ничего, еще несколько шагов… Он уже вышел из-под деревьев, и был совсем недалеко от воды.

С близкого расстояния было хорошо видно, что береговая линия, показавшаяся ему подозрительной, имела форму правильного полукруга. Мерфи двинулся туда и вдруг увидел перед собой свое отражение, возникшее прямо в пустоте. Отражение было вытянутым, словно он смотрелся в выпуклое кривое зеркало, вот только само зеркало оставалось невидимым.

Мерфи вытянул вперед правую руку, чтобы потрогать отражение, и его пальцы внезапно наткнулись на какую-то невидимую преграду, которая была гладкой и холодной на ощупь, напоминая отполированный металл. Это было так неожиданно, что Мерфи невольно отдернул руку.

— Эй! — крикнул он. — Я что-то нашел!

— Доктор Мерфи, вернитесь немедленно назад! — крикнул из-за деревьев лейтенант Кроуфорд.

Но Мерфи не обратил на него внимания. Теперь он коснулся невидимой поверхности обеими руками и осторожно провел ими из стороны в сторону. Он был настолько внутренне готов ощутить в пальцах легкое покалывание, что даже почувствовал разочарование, когда ничего такого не произошло. Какова бы ни была природа невидимости НЛО, это вряд ли могло быть энергетическое поле.

Проверяя эту догадку, Мерфи бросил взгляд на свои наручные часы. Секундная стрелка продолжала как ни в чем не бывало двигаться по циферблату. Если какое-то электромагнитное поле и вывело из строя один из истребителей, заставило сдетонировать боеголовку ракеты, то сейчас оно было отключено.

За его спиной раздался негромкий шорох и заскрипел песок — это солдаты приближались к нему короткими перебежками. Лейтенант Кроуфорд включил рацию, и до Мерфи донеслось его бормотание:

— Ворчун — Первому, Ворчун — Первому… Белоснежка

приблизилась к объекту, подтверждает наличие. Гномы заняли позиции. Прошу указаний, прием…

Мерфи медленно водил руками по наклонной гладкой поверхности, стараясь мысленно представить себе форму непонятного объекта. Невидимая преграда была довольно пологой; она спускалась до уровня его лодыжек и там неожиданно кончалась. Когда Мерфи подошел к ней вплотную, отражение стало почти нормальным, но стоило ему откинуть голову назад, как его лицо снова вытянулось. Не помня себя от волнения, он приподнял правую ногу и уперся коленом в невидимое покатое нечто. Определенно, это был какой-то неизвестный металл, возможно — корпус НЛО…

Мерфи перенес свой вес на правое колено, подтянул вторую ногу и медленно пополз на четвереньках вверх по невидимой наклонной плоскости.

Он чуть не расхохотался, когда представил себе, как это должно выглядеть со стороны. Человек, который идет, вернее, ползет по воздуху на высоте пяти футов над песком и водой. Позади раздавалось негромкое жужжание и частые щелчки фотозатвора — один из солдат снимал его на пленку.

Мерфи фотографировали достаточно редко, и он был не прочь покрасоваться перед объективами. Стараясь не потерять равновесия, он осторожно перенес центр тяжести на ноги и, надежно уперевшись подошвами ботинок в невидимую поверхность, медленно встал в полный рост. Боже милостивый, он висел над самой…

И в это мгновение НЛО стал видимым.

Только что внизу не было ничего, и вдруг там появилось огромное серебристое тело, действительно напоминающее перевернутую вверх дном суповую тарелку. Одним краем она лежала на песчаном берегу, второй был скрыт под водой.

Мерфи в испуге повернулся, но сделал это слишком быстро. Ноги потеряли опору и он плашмя упал на покатый корпус НЛО. Удар был достаточно силен; он едва не сбил Мерфи дыхание, и он успел до половины съехать вниз по корпусу «летающей тарелки», прежде чем догадался раскинуть руки в стороны и остановить падение за счет трения. Но перед тем как упасть, он невольно вскинул голову и увидел…

На верхушке НЛО была большая круглая башня, отдаленно напоминающая ходовую рубку подводной лодки, в самой середине которой виднелся небольшой прямоугольный иллюминатор. На глазах Мерфи металлические шторки, прикрывавшие иллюминатор снаружи, сомкнулись так плотно, что секундой позже он уже не смог бы с уверенностью сказать, не

почудилось ли ему это. На гладком, блестящем корпусе, во всяком случае, не осталось ни стыков, ни щелей…

Все произошло очень быстро, и все же Мерфи показалось, что он заметил что-то за стеклом иллюминатора.

Нет, не что-то — кого-то…

Он увидел человека.

Время неизвестно

Янтарные лучи зимнего солнца на несколько кратких минут залили озеро огнем и погасли, когда усталое светило опустилось за холмы, но наступившая тьма не была абсолютной. Серебристый корпус НЛО ярко блестел в свете множества переносных прожекторов, установленных на песчаном островке. Между ними копошились крошечные фигурки людей; одни ставили дополнительное оборудование, другие стояли на страже с оружием наготове. По протоке между островом и заливом сновали резиновые лодки, а в небе кружили вертолеты, и лучи их прожекторов плясали на поверхности черной воды.

Фрэнк выждал, пока совсем стемнеет, и только потом рискнул выбраться из своего укрытия. Последние полчаса он просидел на мелководье в дальнем конце залива, высовывая голову только тогда, когда ему казалось, что большой шлем космического скафандра, в который он был одет, не привлечет к нему внимания. Лагерь военных находился в каких-нибудь пятидесяти метрах от его укрытия, но за все время ни один человек даже не посмотрел в его сторону. Фрэнк был уверен, что если он не станет лезть на рожон, никто не догадается о его присутствии.

Теперь он хорошо понимал, что их план с самого начала был безрассудным и опасным, но пока все складывалось удачно. Когда Фрэнк выходил из воздушного шлюза «Оберона», Мец отключил маскировочный режим. Внезапное появление хронолета так потрясло высадившихся на остров солдат, что никто из них не обратил ни малейшего внимания на предательские пузыри воздуха, поднявшиеся на поверхность из выходного люка.

Под люком оказалось совсем неглубоко. Фрэнк погрузился на три с небольшим метра, прежде чем его ноги ушли в вязкий, илистый грунт. В принципе, он мог сразу же двинуться дальше, но выждал несколько минут, чтобы удостовериться, что его никто не видел, и только потом зашагал по дну озера, придерживаясь заранее намеченного направления. Чтобы добраться до берега, ему потребовалось два часа. Сначала Фрэнк двигался в полной темноте и рискнул включить нашлемные фонари, только когда глубина достигла двадцати футов. Дважды он останавливался, чтобы уравнять давление в шлеме и стравить лишний воздух. Леа так запрограммировала встроенные дисплеи шлема, что они показывали не только схематическую карту озера, но и направление движения, но никакая карта не могла, к сожалению, подготовить Фрэнка к тому, с чем пришлось ему столкнуться в

действительности. Дно озера оказалось сплошь завалено разнокалиберным мусором: ржавыми банками из-под содовой, помятыми ведерками, набитыми всякой дрянью, обломками дерева, фибергласа и металла, обрывками рыболовной лески и сломанными удилищами. Раз среди всего этого хлама попался даже остов древнего автомобиля: выхваченный из буро-зеленой мглы мощными нашлемными фонарями Фрэнка, он напоминал скелет динозавра или какого-то другого доисторического чудища. Все это были реликвии эпохи всеобщей беспечности, и Фрэнк мельком подумал, что его скафандр будет лишь еще одним экспонатом в удивительной экспозиции, которая собралась на дне озера.

Выбравшись, наконец, из воды, Фрэнк надежно укрылся в лесу и, улегшись на спину, с трудом выбрался из керамического панциря. Шерстяной костюм, который он носил на борту «Гинденбурга», вряд ли был способен защитить от пронизывающего зимнего холода, однако Фрэнк понимал, что придется обойтись так — на «Обероне» не было никакой другой одежды, которая могла бы сойти за костюм двадцатого века.

Потом Фрэнк снова подтащил скафандр к берегу и столкнул его в воду. Булькнув, он почти сразу ушел под воду и пропал в глубине. Конечно, это тоже был риск, но Фрэнк рассчитывал, что при минимальном везении скафандр не будет найден еще лет пятнадцать — двадцать, а может быть, и вообще никогда.

Ночной холод пробирал до костей, Фрэнк поднял воротник пиджака и спрятал ладони под мышками.

В нагрудном кармане его рубашки лежала небольшая плоская коробочка портативного коммуникатора, и Фрэнк на мгновение задумался, не связаться ли ему с «Обероном», чтобы доложить о благополучном завершении первого этапа операции, но потом решил, что делать этого не стоит. Военные наверняка прослушивали несущие частоты во всем диапазоне, включая микроволны. Нет, лучше не выдавать своих намерений до тех пор, пока у него не будет все готово. Леа и Василию придется пока попотеть… По крайней мере, они сидят в тепле и у них есть такая возможность.

Стараясь не думать о холоде, Фрэнк начал пробираться сквозь густой подлесок, по возможности избегая наступать на сухие, промороженные сучки. До него все еще доносились негромкие голоса солдат на побережье, а когда он остановился и обернулся назад, то увидел между деревьями свет прожекторов, установленных вокруг «Оберона». Впрочем, на хронолет Фрэнк смотрел совсем недолго — ровно столько, чтобы начать удивляться безумию собственной идеи. Потом повернулся и стал

быстро подниматься по крутому лесистому склону.

На склоне холма над озером стояло довольно много домов, но Фрэнк не видел в окнах ни огонька. В какой-то момент он подумал о том, не вломиться ли ему в один из них, но потом решил приберечь это на крайний случай. Даже если сейчас там никто не живет, дома, возможно, оборудованы охранной сигнализацией, а у Фрэнка не было с собой подходящих инструментов, чтобы нейтрализовать ее.

Нет, не стоило осложнять себе жизнь, тем более что, начиная с этого момента, задача представлялась Фрэнку довольно простой. Ему нужно было только найти общественный платный таксофон, и Фрэнк знал, что как только он выйдет на дорогу, где-то поблизости обязательно отыщется и телефон. В конце концов, они были в Америке конца двадцатого столетия, а не где-нибудь еще. Американцы всегда любили телефонизировать свою страну.

Шоссе. Телефон. Информация. Что могло быть проще?

И, гадая, почему Леа не могла сделать этого вместо него, Фрэнк пошел дальше сквозь холодную ночную мглу.

18 часов 11 минут

Ужин состоял из коричневого винилового пакета, содержащего ППР — полевой питательный рацион, или, на армейском жаргоне, «Помои для поросят и рейнджеров», в зависимости от того, кому какое толкование больше нравилось. Внутри пакета оказалось несколько зеленых лоточков из фольги; в одном была нарезанная в форме кубиков холодная индейка в густой коричневой подливке, в другом — безвкусное картофельное пюре. В отдельной упаковке лежали галеты. В полевой комплект входил также крошечный пакетик растворимого кофе и какая-то очень тонкая, волокнистая бумага, которую Мерфи принимал за салфетки, пока ему не подсказали, что это — туалетная бумага. Ужиная при свете аккумуляторного фонаря, Мерфи с трудом проглотил половину ППР, а вторую отнес в мусорное ведро. Он не ел почти целый день и должен был зверски проголодаться, но удивительные события последних двух часов начисто лишили его аппетита.

Вскоре после того, как лейтенант Кроуфорд и Мерфи вернулись из своего путешествия на остров, полковник Огилви созвал в штабной палатке совещание с участием гражданских специалистов. Сами по себе факты были довольно просты: с тех пор как в 15:05 НЛО по непонятным причинам внезапно стал видимым, не произошло ровным счетом ничего примечательного. Прослушивающее оборудование, установленное вокруг «летающей тарелки», не зафиксировало никаких посторонних шумов, никаких радиопередач, никаких излучений. На поверхности корпуса — по крайней мере, на той его части, что торчала над водой — не было обнаружено никаких люков или иллюминаторов. То, что Мерфи — и только он один — успел рассмотреть, прежде чем единственное окно в корпусе закрылось, свидетельствовало о том, что экипаж НЛО вовсе не стремился показаться людям.

Синтия Мередит Луна продолжала твердо стоять на том, что «летающая тарелка» — инопланетный космический корабль, прибывший к нам из отдаленной галактики и что его экипаж — посланцы межзвездной федерации. Сообщенные Мерфи сведения о том, что НЛОнавты могут быть человекоподобными или, по крайней мере, гуманоидными, вдохновили Мередит Луну на новые откровения. Она заявила, что гуманоидная форма тела не является уникальной, присущей одной только Земле; напротив, она распространена достаточно широко, и прилетевшие в «летающей тарелке» паралюди специально разыскивали во

Вселенной такие разумные существа, которые были бы близки к ним по облику и строению. Поэтому, заявила она, нельзя встречать их с оружием в руках. Вместо этого следует найти иные, мирные способы коммуникации. Под конец Мередит Луна предложила убрать с песчаного островка всех рейнджеров и позволить ей и еще нескольким медиумам из УПИ отправиться туда, чтобы установить с пришельцами телепатический контакт.

Когда она закончила, полковник Огилви выложил на стол свои карты. «Поскольку, — сказал он, — в Пентагоне убеждены, что неопознанный объект может представлять собой угрозу национальной безопасности, „наверху“ было принято решение попытаться пробиться внутрь. С базы ВМФ в Гротоне, Коннектикут, доставлены газовые резаки, которые используются на флоте для вскрытия корпусов терпящих бедствие подводных лодок, и обученный обращению с ними персонал. В полночь техники высадятся на островок и попытаются прорезать корпус НЛО».

Мередит Луна принялась бурно протестовать, и Мерфи впервые не *мог* с ней не согласиться, правда, по причинам совершенно иного свойства. Да, они по-прежнему не знали, кто прибыл к ним в «летающем блюдце», однако то, что пришельцы отключили режим маскировки, ясно свидетельствовало о том, что у них нет враждебных намерений. Ему лично, заявил Мерфи, требуется дополнительное время для тщательного изучения объекта. Не исключено, что НЛО прибыл вовсе не из Крабовидной туманности, добавил он. Не подлежит сомнению только одно — он не прилетел из ближайшего городка.

Но Огилви продолжал стоять на своем: решение принято и обжалованию не подлежит. В своей короткой речи полковник весьма недвусмысленно дал понять, что расследование проходит по ведомству министерства обороны и что он получает свои приказы из самых высоких инстанций. Совещание полковник закончил сообщением, что ужин можно получить в одном из фургонов, после чего захлопнул свой блокнот и удалился.

Санчес перехватил Мерфи, когда тот уже собирался отправиться к грузовику, чтобы получить свою порцию горячего ППР. Несмотря на то, что расследование было в руках военных, все гражданские специалисты находились под юрисдикцией ФБР, а это означало, что в данном случае Управление паранормальных исследований функционировало как одно из подразделений Федерального бюро. За десять лет работы в УПИ Мерфи как-то не удосужился получить допуск к материалам высшей степени секретности, поэтому, как сказал Санчес, теперь ему придется дать расписку о неразглашении сведений, касающихся текущего

расследования. Исключение составляли правительственные служащие, облеченные особым доверием. (Тут Мерфи понял, что для обычной публики события на озере Сентерхилл навсегда останутся тайной за семью печатями, словно здесь никогда ничего не происходило.) Бланк расписки Санчесу должны были прислать по факсу с минуты на минуту, и фэбээровец предупредил Мерфи, что он хотел бы решить этот вопрос как можно скорее. Один взгляд на лицо агента сразу же убедил Мерфи, что протестовать бесполезно. Он *должен* был поставить свою подпись под его бумажонкой — в противном случае мог потерять работу или вовсе оказаться в тюрьме.

Итак, ужин оказался несъедобным, компания — отвратительной, и Мерфи снова почувствовал себя очень одиноким. Ночь была морозной, к тому же сразу после захода солнца подул резкий, холодный ветер, и Мерфи, подняв повыше воротник своей куртки, попытался найти какое-нибудь укрытие. Штабную палатку заняли Огилви и Санчес, а Мерфи очень не хотелось встречаться с ними именно сейчас. В какой-то момент он подумал о том, не вздремнуть ли ему в одном из грузовиков, но быстро понял, что еще не настолько устал.

Взгляд его скользнул по далекому островку, возле которого выхваченный из тьмы светом прожекторов серебрился диск НЛО, и Мерфи неожиданно поймал себя на том, что смотреть на все это ему осточертело. Пусть ненадолго, но ему было совершенно необходимо отвлечься от всех проблем, которые занимали его ум на протяжении нескольких последних часов.

И он решил пойти немного прогуляться по окрестностям.

Выйти из лагеря оказалось на удивление просто. Мерфи не считал себя связанным какими-либо обязательствами, поэтому решил никому не говорить о своем намерении. От берега вверх по склону вела узкая, вымощенная каменными плитами дорога, и Мерфи дошел по ней до самых ворот зоны отдыха. У ворот стоял на часах один из рейнджеров, но Мерфи объяснил, что хочет немного размять ноги, и солдат пропустил его без возражений. Как понял Мерфи, пост был выставлен здесь для того, чтобы не пропускать посторонних в лагерь, а в его желании пройтись не было ничего предосудительного.

Рейнджер рассказал Мерфи, что примерно в полумиле дальше по дороге, почти на вершине холма, есть небольшой магазинчик, торгующий всякой всячиной. Сейчас он, конечно, закрыт, но перед входом стоит торговый автомат с «Кока-колой». Может быть, мистер Мерфи возьмет для него баночку газировки?

Мерфи с готовностью пообещал, что на обратном пути обязательно захватит для часового баночку «Доктора Пеппера»

похолоднее.

Теперь, когда он отошел достаточно далеко от воды, ветер больше не казался ему таким пронизывающим и резким, однако голые ветви деревьев по обеим сторонам дороги продолжали раскачиваться и поскрипывать. Мглистая зимняя ночь обступила его со всех сторон, и Мерфи чувствовал на языке легкий привкус хвои. Огни лагеря давно исчезли из вида, и Мерфи поднял вверх голову, чтобы полюбоваться созвездиями. Для него это было редким удовольствием, поскольку над округом Колумбия постоянно висел легкий смог, делавший наблюдение за звездами весьма затруднительным, но небо, как назло, оказалось затянуто облаками. Ночь была очень темной, и даже после того, как глаза Мерфи освоились с окружающим мраком, он почти ничего не видел уже на расстоянии вытянутой руки. Скверно…

Незаметно для себя Мерфи добрался до вершины холма, где дорога раздваивалась. У самой развилки стоял упомянутый часовым магазинчик — из тех, что в сезон вовсю торгуют блеснами, леской, «Лунными завтраками» и апельсиновым «Крашем». Жалюзи на окнах были опущены, дверь — заперта, но над широким крытым крыльцом горела тусклая лампочка, освещавшая обшарпанный автомат по продаже «Кока-колы», приютившийся между пустым садком для живца и телефонной будкой.

В телефонной будке стоял человек.

Сначала Мерфи подумал, что это кто-то из солдат потихоньку сбежал из лагеря, чтобы позвонить жене или подружке, но, подойдя ближе, увидел, что незнакомец одет не в военную форму. Его темный шерстяной костюм выглядел не по сезону холодным, а ни пальто, ни кашне на человеке не было. Мерфи была видна только его спина, но он сразу разглядел, что незнакомец дрожит от холода.

Странно, подумал Мерфи. Впрочем, звонивший мог оказаться обычным любителем путешествовать «автостопом», застрявшим в этой глуши из-за того, что полиция перекрыла дороги. С другой стороны, что ему здесь делать? Как-никак, до ближайшего шоссе было несколько миль.

Продолжая шагать к освещенному крыльцу, Мерфи внимательно рассматривал незнакомца. Должно быть, решил он наконец, это просто местный житель — один из немногих, кто живет в домах вокруг озера круглый год. Но если это местный житель, то почему он пользуется общественным телефоном-автоматом?

— …Спасибо, — донеслось до него. — Большое спасибо, вы мне очень помогли.

В ночной тишине Мерфи отчетливо слышал голос незнакомца. Он говорил с каким-то странным акцентом, который Мерфи затруднялся определить. Его английский казался достаточно чистым и правильным, но интонации были, скорее, азиатские.

— Простите, — сказал мужчина в будке, — не могли бы вы мне назвать сегодняшнюю дату? Да, мэм, сегодняшнее число. И год, пожалуйста.

Число? Год? Да что он, сумасшедший?

Деревянное крыльцо под ногами Мерфи негромко скрипнуло, и незнакомец, испуганный его неожиданным появлением, едва не выронил трубку. Мерфи перехватил его быстрый взгляд.

— Извините, — машинально сказал он. — Я не хотел вам мешать.

Черты лица незнакомца действительно можно было назвать евразийскими. Несколько мгновений он молча смотрел на Мерфи сквозь стекла очков в тонкой металлической оправе, потом, спохватившись, снова поднес трубку к уху.

— Простите, мэм, не могли бы вы повторить?..

Мерфи тем временем прошел к автомату с газировкой и сунул руку в карман брюк в поисках мелочи. Опуская в прорезь два четвертака, он ясно чувствовал на себе взгляд незнакомца. Определенно, это какой-то бродяга, убеждал себя Мерфи. Слишком уж старомодный у него костюм — такую древность можно достать разве что на благотворительной барахолке Армии Спасения. Но Мерфи хорошо знал, что даже самые опустившиеся, бездомные бродяги, которых он видел сидящими на вентиляционных решетках в деловом центре Вашингтона, носят зимой поношенные пальто до пят или, на худой конец, теплые бейсбольные куртки.

Потом он подумал, что такой же, как у незнакомца, костюм он видел на фотографиях своего деда, когда тот был еще совсем молодым человеком.

— Спасибо, мэм, очень вам благодарен. — Незнакомец повесил трубку и постучал кончиком пальца по оправе очков, словно поправляя их. Подув на замерзшие руки, он бросил на Мерфи еще один осторожный взгляд и зашагал прочь.

— Холодная ночка, — сказал Мерфи, когда незнакомец проходил мимо него.

— Простите, что вы сказали? — Мужчина слегка замедлил шаг.

— Холодно, говорю, сегодня. — Мерфи нажал кнопку «Доктора Пеппера»; в чреве автомата что-то лязгнуло, и в решетку приемника выкатилась жестяная баночка с напитком. — Не

меньше двадцати…

— Двадцати — чего?

— Градусов. Я о температуре.

— А-а… Да, пожалуй. — Незнакомец поплотнее запахнул на груди пиджак и, кивнув в сторону дороги, добавил: — Впрочем, мне-то все равно — я тут недалеко живу. Мне пришлось воспользоваться дорогой, чтобы… Я хочу сказать, что мне нужно было позвонить.

Показалось ли это Мерфи или голос незнакомца действительно звучал сейчас несколько по-другому? Трудно сказать… Он наклонился, чтобы достать жестянку из автомата, и мужчина заторопился дальше.

— Я не знал, что здесь кто-то живет зимой, — сказал Мерфи ему вслед. — Мне говорили, что люди появляются здесь только летом.

— Несколько человек остается и на зиму. — Незнакомец снял очки, аккуратно сложил и убрал в карман пиджака. — Извините, но мне нужно…

— …поскорее попасть домой. Конечно. — Мерфи опустил баночку с газировкой в карман куртки. — Не обращайте на меня внимания.

— Да-да, конечно… — Мужчина спустился по ступенькам крыльца.

— Я не буду обращать внимания. И вы не обращайте…

Мерфи некоторое время смотрел, как незнакомец, наклонясь навстречу ветру и вобрав голову в плечи, торопливо шагает по дороге, ведущей к соседнему холму, и постепенно исчезает в темноте. Должно быть, бедняга живет просто в трейлере, размышлял он, и не может позволить себе такую роскошь, как собственный телефон. И ему каждый раз приходится ходить сюда, чтобы позвонить… Надеюсь, у него есть хороший обогреватель или что-то в этом роде…

Неужели этот человек звонил в справочную только для того, чтобы узнать, какое сегодня число?

Странные люди… Странные люди живут в Вашингтоне, странные люди живут в Теннесси. Странные люди продолжают работать в Управлении паранормальных исследований, хотя отлично знают, что это дело нестоящее…

Мерфи пожал плечами и тоже спустился с крыльца на дорогу. Пожалуй, ему нужно поторопиться, пока Огилви или Санчес его не хватились. Да и часовой у ворот зоны отдыха, должно быть, заждался своего «Доктора Пеппера».

Он прошел всего несколько шагов, и тут ему пришло в голову, что он и сам не прочь глотнуть газировки. Не было

смысла возвращаться в лагерь лишь с одной банкой — ночь обещала быть долгой. Можно взять даже пару банок, чтобы выпить одну по дороге.

И, приняв такое решение, Мерфи повернулся и трусцой побежал обратно к магазину.

Но, обшарив карманы, Мерфи обнаружил, что у него остался только один четвертак. Вот невезение!.. Потом он посмотрел на стоявшую рядом телефонную будку. Незнакомец говорил только с телефонисткой… Почему? Зачем кому-то могло понадобиться выходить из дома в такую погоду просто для того, чтобы узнать месяц и год?

Ладно, не важно. Главное, этот странный тип оставил свои деньги в окошечке сдачи. Наверное, так замерз, что ему было не до того, а может, просто забыл. И поскольку вызов стоил ровно двадцать пять центов, в окошечке возврата могло остаться достаточно мелочи, чтобы Мерфи мог позволить себе «Спрайт».

Перейдя к будке, Мерфи сунул палец в щель «Возврата монет». Ну, конечно, — два десятицентовика и никель! Он быстро выковырял монеты из щели и, позванивая ими в кулаке, вернулся к торговому автомату. Опустив в прорезь свой четвертак, он уже собирался бросить туда же один из найденных им десятицентовиков, но вдруг остановился.

Это был не обычный десятицентовик. Это был «меркурий».

Десятицентовика с головкой бога торговли на аверсе Мерфи не видел с тех пор, когда учился в начальной школе.

Он раскрыл ладонь и поднес ее к свету. У него на руке лежал еще один «меркурий» и пятицентовик с изображением бизона.

Могло ли это быть простой случайностью? Вряд ли. Вероятность случайного совпадения была настолько мала, что Мерфи сразу же отмел это объяснение как невероятное. К тому же все три монетки выглядели совершенно новыми.

Может быть, этот мужчина — нумизмат? Странный, однако нумизмат… Нумизмат, который не может позволить себе пальто и приличный костюм, но разбрасывается новенькими «меркуриями» и «бизонами». А может, это тот слегка комичный тип рассеянного коллекционера, который опускает в автомат бесценные монеты, чтобы позвонить телефонистке и спросить у нее, какое сегодня число?

И неожиданно ему вспомнились слова Гарри Камиски, сказанные в «Снегире» прошлым вечером.

16 января 1998 года
Пятница, 18:48

Действуя с предельной осторожностью, чтобы ненароком не выключить коммуникатор, Фрэнк закрыл его и засунул в карман рубашки, потом потуже стянул на груди лацканы пиджака. Ветер на вершине холма был особенно сильным, и холод пробирал его буквально до костей. Замерзшие ноги плохо слушались, а чтобы не стучать зубами, ему пришлось изо всех сил стиснуть челюсти. Несколько раз Фрэнк останавливался, чтобы потопать по асфальту и попытаться восстановить кровообращение в пальцах ног, но согреться никак не удавалось.

— Надо спешить, — шептал он, беспокойно поглядывая на тусклочерное небо. — Быстрее, быстрее…

Не только холод заставлял его нервничать. Случайная встреча с местным жителем настолько напугала его, что он чуть было не забыл о своей главной задаче. Ему пришлось сделать над собой сознательное усилие, чтобы загрузить точную дату в память своих фальшивых очков. Фрэнк чувствовал, что мужчина, появившийся у магазина, чтобы купить баночку газировки, проявил к нему повышенный интерес, который нельзя было объяснить характерным для конца двадцатого века любопытством. Конечно, он мог жить в одном из ближайших домов, но у Фрэнка были все основания подозревать, что это не так.

Впрочем, теперь это не имело особого значения. Мец, скорее всего, уже стартовал с озера; стоит ему подняться на достаточную высоту, и он легко найдет Фрэнка по сигналу включенного коммуникатора.

Подумав об этом, Фрэнк снова посмотрел в небо, хотя и знал, что Василий, скорее всего, снова включил «хамелеон», и он ничего не увидит до самого последнего момента.

— Эй, послушайте!.. Кто вы такой?

Голос, раздавшийся за его спиной, был задыхающимся, прерывистым, словно после быстрого бега, но Фрэнку он показался знакомым. Круто повернувшись, он посмотрел назад.

— Я спрашиваю, кто вы такой?

Голос принадлежал человеку, которого он встретил у магазина. Фрэнк напряг зрение и наконец сумел рассмотреть его в темноте. Он с трудом поднимался вверх по склону в нескольких метрах от него.

— Уверяю вас, сэр, вы ошиблись. Мы никогда с вами не

встречались, — спокойно сказал Фрэнк. — Я живу здесь, и…

— Я в этом очень сомневаюсь. — Незнакомец наконец остановился. Наклонившись вперед и упершись руками в колени, он жадно хватал ртом морозный воздух. Должно быть, всю дорогу он пробежал бегом.

— Никто… не живет здесь… зимой… — пробормотал он. — К тому же у местного жителя… должен быть свой телефон.

— У меня его нет, — ответил Фрэнк, лихорадочно соображая, как быть. «Оберон» должен был появиться здесь с минуты на минуту, и он не мог допустить, чтобы человек двадцатого века стал свидетелем его отлета. — Я пользуюсь платным телефоном-автоматом, чтобы сэкономить деньги.

— Ага… Я так и понял. — Послышалось негромкое бренчание мелочи. — *Такие* деньги не грех и поэкономить.

Фрэнк почувствовал, что, несмотря на мороз, его лоб покрылся испариной. Для путешественника во времени это была грубая ошибка.

Хронокосмический исследовательский центр специально обучал своих исследователей не допускать подобных промахов.

— Да, я действительно забыл эти монетки в автомате, — осторожно сказал он. — Я весьма признателен, что вы взяли на себя труд вернуть их. — Он протянул руку. — Если вы отдадите их мне, я…

— …пойдете домой, — закончил незнакомец, не сделав ни малейшей попытки приблизиться. — Не сомневаюсь. Кстати, это возвращает нас к вопросу, который я задал вам с самого начала. Кто вы?

— Джон Пенне, — машинально ответил Фрэнк. Точно так же он отвечал, когда агенты гестапо проверяли его во франкфуртском отеле.

— Допустим. И откуда вы, мистер Пенне?

— Боюсь, сэр, что вас это не касается. — Фрэнк подавил в себе желание снова посмотреть на небо, резонно полагая, что незнакомец вряд ли видит в темноте намного хуже, чем он. — А теперь прошу…

— Мне кажется, вы говорите неправду. — Незнакомец в последний раз глубоко вздохнул и выпрямился в полный рост. — Вы живете не здесь. Я почему-то думаю… — Он неожиданно закашлялся и, сплюнув на асфальт, закончил: — Мне кажется, вы не из нашего времени, мистер Пенне. Я не ошибся?

Фрэнк почувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Кем бы ни был этот человек (впрочем, у него не оставалось ни малейшего сомнения в том, что он приехал сюда с военными, разбившими лагерь на берегу залива), он знал слишком много. И

Фрэнк должен был любой ценой помешать ему увидеть посадку «Оберона». На его стороне был фактор внезапности и темнота, к тому же его противник изрядно выдохся, поскольку ему пришлось бежать в гору. Если он будет действовать достаточно проворно…

— Может быть, — сдержанно ответил Фрэнк. — Мне нелегко ответить на ваш вопрос прямо, поскольку я даже не знаю, с кем имею дело…

— Моя фамилия Мерфи. Доктор Зак Мерфи. — Похоже, незнакомец слегка расслабился. — По специальности я астрофизик, но сейчас работаю в Управлении паранормальных исследований при правительстве Соединенных Штатов.

Ученый… Несмотря на свои обширные познания в истории двадцатого века, Фрэнк никогда не слышал об Управлении паранормальных исследований. Может быть, оно существует только на этом, альтернативном отрезке темпоральной линии? Впрочем, сейчас не время гадать!

— Рад познакомиться с вами, доктор Мерфи, — сказал он и осторожно шагнул вперед, делая вид, что хочет пожать руку новому знакомому. — И вы искали именно меня?

— Не совсем, но… — Мерфи двинулся ему навстречу, также протягивая руку. — Вы так и не сказали…

Он неожиданно остановился и замолчал, и Фрэнку на мгновение показалось, что Мерфи догадался о его намерениях. Но в эту секунду он громко ахнул, и даже в кромешной тьме Фрэнк понял, что его противник глядит на что-то, появившееся в небе над самыми их головами.

— Боже, что это?!

Именно этого момента и дожидался Фрэнк. Низко пригнувшись и вытянув вперед руки, он бросился на Мерфи.

Разделявшее их расстояние он покрыл в несколько быстрых прыжков. Внимание Мерфи было отвлечено, и нападение застигло его врасплох, Два быстрых сильных удара в живот заставили его согнуться пополам. Мерфи задохнулся и, сделав несколько неверных шагов вперед, повис на лацканах пиджака Фрэнка, то ли стараясь чем-то ответить на удар, то ли просто для того, чтобы удержаться на ногах.

Но Фрэнк не собирался позволить ему ни того, ни другого. Его кулак обрушился на челюсть Мерфи. Послышался громкий треск разрываемой ткани, и Мерфи опрокинулся навзничь. Упав на асфальт, он остался лежать неподвижно, и Фрэнк почувствовал, как холодный ветер ожег грудь в том месте, где астрофизик разорвал его огнеупорный пиджак. Ветви окружающих дорогу деревьев бешено раскачивались и гнулись, словно от порывов ураганного ветра. Громкое гудение

раздавалось, казалось, со всех сторон; потом сверху ударил яркий луч света, и Фрэнк на мгновение увидел лицо Мерфи. Астрофизик выглядел ненамного старше него, но рассматривать его у Фрэнка не было времени. Прикрывая глаза рукой, он поднял голову и увидел широкую черную тень, которая зависла в нескольких метрах над землей.

Мец очень спешил. Он даже не стал выключать маскировочный режим и выпускать посадочные опоры. Луч света бил из открытого входного шлюза; Леа стояла на коленях на краю люка и протягивала вниз руку.

— Скорее! Нам нужно убираться отсюда!

Ветер нещадно трепал полы разорванного пиджака Фрэнка, и он в панике ощупал карманы. К счастью, очки были на месте, но у него было еще одно дело.

— Подождите! — крикнул он, опускаясь на колени рядом с Мерфи. Тот был в сознании и негромко застонал, когда Фрэнк перекатил его на бок, но никакого сопротивления оказать не мог. Фрэнк запустил руку в карман его куртки и вытащил оттуда два десятицентовика и никель, которые так неосмотрительно оставил в телефоне-автомате. Теперь у Мерфи не было никаких вещественных доказательств того, что он столкнулся с путешественником во времени.

Он был уже готов подняться, когда Мерфи негромко прошептал:

— Как там? Лучше?..

Фрэнк отлично понял, что имеет в виду Мерфи.

— Все будет зависеть от вас, дружище, — ответил он негромко.

Он вскочил на ноги и бегом бросился к ожидавшему его хронолету.

19 часов 02 минуты

Яркие лучи автомобильных фар уже бежали вверх по холму, когда Мец снова поднял «Оберон» в воздух. Через считанные секунды хронолет пронзил плотный слой закрывавших Теннеси облаков и вырвался в чистое ночное небо. Самолетов-перехватчиков нигде не было видно — вокруг «Оберона», насколько хватало глаз, был только разряженный воздух стратосферы, а выше мерцали далекие звезды.

К этому времени Леа уже успела отнести очки Фрэнка в аппаратную и перекачать собранную наночипами хронометрическую информацию в память бортового ИИ. После этого Фрэнк и Леа поспешили в командную рубку и сидели там, затаив дыхание, пока Мец не сообщил им, что оптимальные параметры трансвременного перехода определены. Правда, еще не все системы «Оберона» были в полной исправности, но их ремонт продолжался. Всего несколько витков, и они смогут открыть тоннель перехода.

— Боюсь, мы не сможем вернуться домой, — добавил Мец, нервно постукивая пальцами по пульту под одним из экранов, на котором горело схематическое изображение двух параллельных кривых — замкнутых времяподобных циклов. — В наш год мы попадем, в этом нет никаких сомнений, однако мы все равно останемся в ином континууме.

— В котором не будет станции «Хронос». — Голос Леа звучал так невыразительно и ровно, словно у нее уже не осталось ни надежды, ни даже отчаяния.

— Может быть, будет, а может, нет. — Мец пожал плечами. — Мы узнаем это только тогда, когда попадем туда. Одно ясно: здесь мы не можем оставаться, как не можем и вернуться в 1937 год.

— Я знаю. — Фрэнк вздохнул. — Мы не можем изменить то, что мы наделали, не создав нового парадокса.

— Увы, это так. — Пилот покачал головой. — Сделанного не воротишь. Нам придется смириться с результатом, каким бы он ни был. — Он бросил быстрый взгляд через плечо. — Впрочем, мы могли бы вернуться в более раннее прошлое. Я имею в виду — до тридцать седьмого года… Найти укромное местечко и обосноваться там. Что вы скажете о маленькой канзасской ферме в году, скажем, одна тысяча восемьсот девяностом? Или об уютном шато на юге Франции в тысяча семисотом? А может быть, вас привлекает скромный собственный виноградник где-нибудь в окрестностях древних Афин?

— Спасибо, что-то не хочется. — Фрэнк через силу улыбнулся. — Мы, скорее всего, попали в иную вселенную, но не думаю, чтобы она уж очень отличалась от того, что мы знаем… — Его улыбка превратилась в широкую ухмылку. — Боюсь, она может показаться нам слишком похожей на наш мир.

Лицо Меца выражало крайний скептицизм, но Леа посмотрела на Фрэнка неожиданно широко раскрывшимися глазами.

— Почему ты так думаешь? — спросила она.

Фрэнк рассеянно поигрывал разорванным карманом.

— Так, кое-какие намеки…

16 января 1998 года
Пятница, 19:09

— И вы не успели рассмотреть того парня, который вас ударил?

— Нет. Совсем нет… — Мерфи, сидевший на переднем бампере джипа-вездехода «Хамер», привалился спиной к радиаторной решетке.

— Было слишком темно.

— Это я понял. Мне неясно другое, почему он вообще напал на вас?

— Огилви, освещенный тремя фарами джипа, опустился перед ним на корточки. — И еще я не понимаю, что вы делаете здесь? Часовой сказал, что вы пошли в магазин за газировкой, но ведь это на предыдущем холме, в четверти мили отсюда. Зачем вы прошли лишние четверть мили, доктор?

Мерфи осторожно потрогал царапину на лбу. Царапина была неглубокой и совсем не болела, но это движение помогло ему надежнее скрыть выражение лица.

— Мне захотелось еще немного пройтись, прежде чем возвращаться в лагерь, только и всего. Надеюсь, у часового не будет из-за меня неприятностей?

— Его не расстреляют, если вы это имеете в виду. — Огилви оглянулся на двух солдат, которые, вооружившись электрическими фонариками, прочесывали лес справа от дороги. — Давайте попробуем сначала. Вы дошли до лавки и пошли дальше, потому что вам захотелось размять ноги. Когда мы вас нашли, вы лежали избитый на дороге. Вы утверждаете, что какой-то незнакомец выскочил из леса и потребовал у вас деньги. Когда вы сказали, что денег у вас нет, он на вас напал. А потом исчез. Я ничего не упустил, Зак?

— Я тоже не могу ничего объяснить. — Мерфи посмотрел полковнику прямо в глаза. — Может быть, он просто… Нет, не знаю. Думаю, это был просто какой-нибудь бродяга. Подобные вещи иногда случаются, полковник.

— Да, действительно. — Огилви медленно кивнул. — Но откуда тогда у меня такое чувство, что вы не говорите всей правды?

— Я сказал вам все, что знал. Честно.

Огилви со вздохом поднялся.

— Ладно, что бы здесь ни произошло, главное представление вы пропустили. Этот сукин сын исчез. Мы считаем, что он

взлетел.

— Вот черт! Правда?.. — Мерфи, как мог, изобразил удивление. — Вы хотите сказать, что НЛО стартовал?

— Это случилось минут пятнадцать — двадцать назад. Сначала эта штука стала невидимой — прямо под носом у моих людей, которые оставались на острове. Мы услышали громкое гудение, потом погас свет и вырубилась вся электроника. Вода на том месте, где лежал диск, забурлила и поднялась высоко в воздух… Когда все успокоилось, НЛО уже не было.

— И вы ничего не видели?

— Видели просто какую-то черную тень, которая взмыла прямо к облакам. Она исчезла из вида так быстро, что мы не сумели даже проследить, в каком направлении она отправилась. — Огилви засунул руки глубоко в карманы своей длинной куртки военного образца. — Именно тогда мы и обнаружили, что вы отправились в самоволку. О, если бы вы только знали, как приятно мне будет вернуть вас назад! Когда мисс Луна услышала, что вас нигде не могут найти, она заявила нам, что вас похитили пришельцы. Как вы понимаете, она установила сей факт путем ясновидения и телепатии.

Мерфи громко рассмеялся, но вовсе не из-за слов полковника. Впервые Мередит Синтия Луна была близка к тому, чтобы высказать правильную догадку.

— Я уверен, что она ошибалась и раньше, — заметил он, отсмеявшись.

— Да, пожалуй… — Огилви снова огляделся по сторонам. — Полезайте-ка в вездеход, там намного теплее, — сказал он. — Я дам своим людям еще несколько минут на поиски вашего таинственного друга; потом надо возвращаться и сворачивать лагерь. Мне почему-то кажется, что мы больше не найдем здесь ничего интересного. А вам?

— Я тоже так думаю. — Морщась от боли в животе, Мерфи встал с бампера «Хамера». — Можно, конечно, еще раз осмотреть остров, чтобы подстраховаться, но я думаю, что вы, скорее всего, правы.

Полковник открыл для него дверцу вездехода, Мерфи забрался внутрь и сел на место стрелка-радиста. Огилви сразу ушел к своим людям, чтобы узнать, есть ли какие-нибудь результаты, и Мерфи остался в машине один. Тогда он достал из кармана смятый листок бумаги.

Этот лист бумаги выпал из кармана хрононавта, когда Мерфи в борьбе разорвал его пиджак. Дальнейшее вспоминалось ему весьма смутно — он припоминал только, что его противник что-то говорил, стоя возле него на коленях. Монеты из кармана

пропали, и в судорожно сжатых пальцах Мерфи осталась только эта бумага и клочок темной шерстяной материи.

Мерфи осторожно развернул бумагу и внимательно рассмотрел ее при тусклом свете приборов на щитке управления. В верхней части листа помещалось стилизованное изображение дирижабля в венке из оливковых ветвей. Надпись на ленте гласила, что это ЛЗ-129 «Гинденбург».

Чуть ниже этой официальной «шапки» располагался перечень имен, и Мерфи догадался, что держит в руках список пассажиров. Два имени в самой середине списка привлекли его внимание: «Мистер и миссис Пенне из Мангазета, Лонг-Айленд».

Подняв голову, Мерфи увидел, что полковник с солдатами возвращаются. Он едва успел спрятать свою находку во внутренний карман до того, как Огилви открыл правую заднюю дверь.

— Ничего мы не найдем, — проворчал он, устраиваясь на пассажирском сиденье. — Впрочем, спешить все равно некуда. Мы должны убраться отсюда к утру, а до утра еще полно времени.

— Да, спешить некуда… — Мерфи повернулся к окошку и посмотрел на небо. Облака начинали понемногу расходиться, и впервые за сегодняшний вечер он сумел разглядеть на небосводе несколько звезд.

— «Куда мудрец боится и ступить, туда летит безумец без оглядки…» — пробормотал он негромко.

Один из рейнджеров открыл переднюю дверцу и сел за руль.

— Вы что-то сказали, сэр? — спросил он.

— Что?.. Н-нет, ничего. — Мерфи улыбнулся своему отражению в темном стекле. — Просто подумал вслух.